

ЭХО ПРОШЛОГО

ЕВГЕНИЙ КОРНЕЛЕВ

Евгений Корчуганов

Эхо прошлого

<https://litres.ru/73980826>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший следователь по особо важным делам, а ныне частный детектив Семён Воронков, семь лет назад получил пулю в голову от маньяка по прозвищу «Потрошитель». Он выжил, но потерял часть памяти - в том числе о событиях той ночи, когда был ранен. Теперь, спустя годы, Воронков находит труп «Потрошителя» в чужой могиле и оказывается втянут в расследование, которое переворачивает его собственную жизнь. Он узнаёт, что человека, которого считали «Потрошителем» на самом убивал деле подставили. Настоящий убийца – молодой художник-садист Борис Кудрявцев. Вместе с сообщником и наставником-педофилом Григорием Суковым он совершил серию убийств. Воронков бросает все силы, чтобы остановить их, но постепенно начинает осознавать: в нём самом живёт тёмная сторона, которую он не помнит.

Содержание

Глава 1. Не мой сын!	4
Глава 2. Мешок с костями	16
Глава 3. Потрошитель	25
Глава 4. Жуть	38
Глава 5. Хрупкое алиби	49
Глава 6. Музыкальная шкатулка	56
Глава 7. Мёртвая зона	67
Глава 8. Наследник	76
Глава 9. Красавица и чудовище	96
Глава 10. Выгодное дельце	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Евгений Корчуганов

Эхо прошлого

Глава 1. Не мой сын!

— Алло?

— Простите, я, наверное, не туда попала.

— Смотря кому вы звоните.

— Мне нужен Семен Воронков, частный детектив...

— Тогда вы по адресу. Как вас зовут?

— О, это не имеет значения. — Женский голос был очень приятным. Воображение Воронкова уже рисовало образ изящной, как фарфоровая статуэтка, девушки. — Я лишь помощница, с вами хочет говорить хозяйка. Одну минуту, я её позову. Не ожидала, что так сразу до вас дозвонюсь.

Она издала легкий смешок. Трубка шлепнулась на что-то мягкое. Послышались удаляющиеся шаги.

Прижав трубку к уху плечом, Воронков разыскал в ящике письменного стола блокнот и ручку. Учитывая его бедственное положение, звонок этот был весьма кстати. Клиентка, судя по всему, не бедная, раз себе могла позволить помощницу.

Пауза затягивалась.

Откинувшись в старом продавленном кресле, Воронков разглядывал покачивающуюся на большом стальном крюке люстру. Если дела пойдут совсем плохо, можно будет снять люстру и...

— Это вы Воронков? — раздался из трубки жеманный женский голос.

Воображение Воронкова — излишне живое — тут же нарисовало образ тощей, высушенной диетами и пластическими операциями дамы, с томным взглядом и манерами кинодивы из черно-белого кино.

— К вашим услугам, — вежливо ответил он.

— У меня к вам просьба... я, право, не знаю, с чего начать. Но дело весьма серьезное. Если бы вы могли знать...

Она тихо всхлипнула. Воронков крепче сжал трубку, весь превратившись в слух.

— У вас проблемы? — осторожно спросил он.

— Я еще не знаю. Но если то, что я подозреваю, случится... О, я даже не знаю, смогу ли жить дальше?

Из трубки донеслись приглушенные рыдания. Воронков наморщил лоб. Пафосные возгласы женщины подсказывали ему, что она притворяется, однако слезы, судя по всему, были настоящими.

— Нам не обязательно обсуждать это по телефону, — сказал он. — Если хотите, мы можем встретиться в любом удобном для вас месте и поговорить с глазу на глаз.

— О, это было бы чудесно! — воскликнула женщина. —

Кафе «Мулен Руж» знаете? Я буду там через час.

— Буду вас ждать, — сказал Воронков и бросил трубку.

Сердце гулко колотилось от возбуждения. Неужели, после стольких недель бесплодного ожидания, у него появится работа?

Воронков мчался во весь дух, но попал в пробку и чуть-чуть опоздал. В «Мулен Руж» он прибыл спустя час и десять минут после того, как завершил разговор с женщиной.

Окинув взглядом зал, он выделил двух женщин лет шестидесяти, которые вполне соответствовали его представлениям о потенциальной клиентке. Обе были холеными, размалеванными, словно куклы, с одинаковыми пластиковыми от уколов ботокса лицами.

Воронков выбрал ту, что смотрела на него, и подошел к ней.

— Добрый день. Вы случайно не меня ждёте?

Женщина смерила его тяжелым взглядом. Уголки её дряблых губ опустились, придав лицу брезгливое выражение.

— Надеюсь, что нет! — заявила она. — Вы из агентства?

— Да.

— В таком случае, я буду жаловаться! С чего вдруг они подсовывают мне стариков?

У Воронкова отвисла челюсть. Он был давно не мальчик, но на фоне этой сморщенной макаки точно не выглядел ста-

риком.

— Простите, а на какое агентство вы собираетесь жаловаться? — вкрадчиво спросил он.

— Как какое? Агентство «Пьюрити». Другими я не пользуюсь.

Воронков облегченно выдохнул. «Пьюрити» было известным эскорт-агентством. Старушка наверняка заказывала молоденького мальчика. Понятно, отчего она пришла в негодование.

Воронков извинился и отошел от её столика. Вторая женщина помахала ему рукой.

— Семен Аркадьевич?

— Извините, обознался, — смущенно сказал Воронков.

— Не беда, садитесь, — в голосе ее появились властные нотки.

Воронков сел. Какое-то время женщина оценивающе смотрела на него. Воронков знал, что она видит перед собой потрепанного жизнью полицейского с внешностью далекой от привлекательной (хотя он знал женщин, которые бы с этим выводом не согласились).

— Я где-то читала, что вы раньше работали в полиции, — сказала она. — Это правда?

— Да, я был следователем по особо важным делам.

— Почему вы ушли?

— Меня комиссовали. По ранению, — ответил Воронков, но в подробности вдаваться не стал.

Он получил пулю в голову, и далеко не каждый клиент захотел бы связываться с детективом, в черепе которого основательно покопались врачи. И это не говоря о том, что одним из последствий ранения стала частичная амнезия.

Тут к их столику подскочил официант. Пришлось сделать заказ. Цены в этом заведении показались Воронкову грабительскими, однако он все же заказал эспрессо.

— Закажите десерт, — посоветовала женщина, — я угощаю.

— Нет-нет, спасибо, я слежу за фигурой, — сказал Воронков, хотя от мысли о десерте у него потекли слюнки.

Но он не мог позволить себе тратить столько денег на сладости. И уж тем более – позволить женщине за себя заплатить.

— Насколько я понял, — сказал он, когда официант удалился, — у вас есть подозрения, что что-то нехорошее должно случиться в ближайшее время. Угадал?

Женщина покачала головой.

— Это уже случилось, понимаете? Но я не знаю: правда это или нет?

— Пожалуйста, расскажите обо всем по порядку.

Женщина, не поднимая глаз, елозила по столу салфеткой. Воронков мигом понял, чего она опасается.

— Если вы боитесь, что та информация, которую вы мне доверите, «утечет», то зря. Частные детективы в этом плане не менее надежны, чем врачи и адвокаты.

— О, я понимаю... Просто это дело такое... конфиденциальное, — она наклонилась вперед, заговорщицки понизив голос, — что я должна была убедиться, что вы...

Исчерпав запас слов, она развела руками.

— Я сохранию вашу тайну, — заверил её Воронков. — Простите, как вас зовут?

— Алёна.

— Я сохранию вашу тайну, Алёна, — торжественно пообещал Воронков. — Но вы должны мне все рассказать. Иначе, как я вам помогу?

— Вы правы, — кивнула Алёна. — Я должна все вам рассказать. — Она глубоко вдохнула, как перед погружением в воду. — Дело вот в чем. Мне кажется... нет, я почти уверена, что мой сын... что на самом деле, он не мой сын.

Воронков смотрел на нее, ожидая продолжения. Однако Алёна отвлеклась и принялась копаться в сумочке. Достав упаковку бумажных платков, она трубно высморкалась, заставив всех присутствующих вздрогнуть.

— Извините, — смущенно прошептала она, комкая в руке салфетку, — случайно вышло.

Воронков решил сделать вид, что ничего не произошло.

— Разрешите уточню, — сказал он. — У вас есть сын, но вы подозреваете, что он не ваш, то есть, не родной. Я вас правильно понял?

Алёна кивнула.

— Сколько ему лет?

— Двадцать.

— Двадцать?— Воронков не смог скрыть изумление. — Вы подозреваете, что двадцать лет воспитывали чужого ребенка?

Алена опустила глаза.

— Понимаю, это звучит немного странно, но... да, я подозреваю, что он не мой сын! Надеюсь, вы не думаете, что я спятила?

— Ну, разумеется, нет. Если мать после двадцати лет подозревает, что ребенок не её, значит, у нее на то есть основания. Но почему вы так думаете?

Алена какое-то время молчала, а затем – махнула рукой.

— Вы правы. Я должна вам все рассказать. Видите ли, у меня одно редкое генетическое заболевание, которое проявляется в довольно раннем возрасте. Я боялась, что наш сын унаследовал его, однако – нет, он совершенно здоров. У меня уже тогда зародились первые подозрения. Мы обратились к специалисту-генетику, и он объяснил, что такие заболевания отнюдь не всегда передаются по наследству. И вообще, нам стоит радоваться, что наш ребенок здоров, а не искать в этом проблему.

Воронков был полностью солидарен с этим специалистом, однако вслух этого не сказал.

— Значит, причина ваших подозрений – отсутствие проблем со здоровьем у вашего сына?

— Не только. Понимаете, чем старше он становился, тем

отчетливее я понимала, что он другой – не нашей с мужем породы. Ну, совершенно чужой ребенок. Мы оба темные, а он – светленький. Уверена, обратись мы к генетику, он бы заявил, что это совершенно нормально. Но проблема не только в цвете волос. Он буквально другой человек. Когда я смотрю на него, то не вижу ничего родного.

— А что ваш муж думает по этому поводу?

— Он... он уже ничего не думает. В прошлом году его не стало.

— Соболезную.

— Спасибо.— Алена промокнула глаза платочком.— В последние годы он страдал из-за тяжелой болезни сердца, и мне не хотелось его волновать, поэтому я молчала о своих подозрениях. Если бы он узнал, что Стасик – не его, это бы его просто убило.

Воронков понимающе кивнул. Алена протянула к нему руки.

— Пожалуйста, посоветуйте, как мне быть?

— Ну, в вашей ситуации проще всего сделать тест ДНК. Если Стас не ваш сын, то анализ это покажет.

— Я боюсь,— прошептала Алена.— А вдруг выяснится, что это правда?

Воронков тяжело вздохнул. Он понимал чувства женщины. Если бы она спросила его совета, то он бы посоветовал ей оставить все, как есть, и не устраивать проверки. Однако фитиль был уже подожжен. Она сама призналась, что не

сможет уснуть, если не выяснит все до конца.

Он был не прочь ей помочь – за солидную сумму.

— Принесите мне одну из его вещей. Лучше всего – расческу или зубную щетку. Что-нибудь, на чем остался его ДНК. Но пока... — он наклонился и заглянул ей в глаза, — хорошенько подумайте: так ли вы хотите узнать правду? Потому, что этот фарш точно нельзя будет повернуть назад.

Неделю спустя они снова встретились в том же кафе. Ни слова не говоря, Воронков выложил на стол конверт из плотной жёлтой бумаги.

У Алёны вытянулось лицо.

— Внутри – то, что я думаю?

— Да. Результаты ДНК-теста.

Женщина протянула руку за конвертом, однако Воронков отодвинул его на край стола.

— В последний раз прошу вас подумать.

Алена бросила на него испуганный взгляд.

— Вы прочли?

— Возможно, — уклончиво ответил Воронков.

Облизывая пересохшие губы, женщина сверлила его испытующим взглядом. Воронков смотрел в сторону, стараясь не встречаться с ней глазами. Так прошло несколько минут. Наконец, Алена не выдержала: схватила конверт и, буквально растерзав его, выхватила листок.

Воронков внимательно наблюдал за ней. Когда её взгляд

наткнулся на заключение эксперта, она взвизгнула и выронила листок так, словно он превратился в ядовитого паука.

Её страхи оправдались: юноша, которого она воспитывала столько лет, не был родным ее сыном.

— Крепитесь, — сказал Воронков.

Он ожидал, что Алёна разрыдается и начнет причитать, однако – ничего подобного. Сделав глубокий вдох, она схватила стакан с водой и, осушив его одним глотком, заявила:

— Я знала! Я всегда это чувствовала!

В голосе её, как ни странно, послышалось удовлетворение.

И не успел Воронков удивиться, как она добавила:

— Я вечно твердила мужу, что такой дрянной мальчишка не мог быть нашим сыном. А он только смеялся и говорил, что он, верно, пошёл в мать. Как жаль, что он уже умер. Я бы ему показала! Он бы увидел, что я – не дура, а мать! Мать сердцем чувствует родное, даже если отец не замечает.

Произнося всё это, она смахивала с рукава блузки невидимые пылинки. Непонятно было, что её больше волнует: родной сын или собственный гардероб?

Воронков не знал, как реагировать. Ему хотелось воскликнуть: «Вы растили его двадцать лет. Если он стал дрянным, то дело не только в крови. Тут есть и ваша вина». Но он промолчал.

Алёна вдруг схватила его за руку.

— Вы сможете мне отыскать моего настоящего сына?

— Нет, — твердо ответил Воронков. — Я не стану этого делать.

— Почему? — В её голосе послышалась обида.

— Потому, что не хочу хоронить ваши надежды.

Она явно не поняла намека и продолжила умолять.

— Пожалуйста, сделайте это для меня. Я заплачу столько, сколько вы скажете.

Воронков опустил глаза. Ему было стыдно, что он смалодушничал и позволил ей завладеть конвертом.

— Помните, как я отговаривал вас вскрывать конверт?

— Конечно, помню. Но я должна была узнать правду, понимаете?! Должна!

— Знаю, но... — Воронков какое-то время молчал, подбирая правильные слова, — но я не уверен, что правда принесёт вам облегчение.

— Что вы такое говорите?! — возмутилась Алёна. — Конечно, это принесёт мне облегчение. Как только я отыщу своего мальчика... Я прижму его к сердцу и...

Она говорила о мальчике, которого растила двадцать лет, с пренебрежением, а о том, которого никогда не видела — с умилением.

— Боюсь, это невозможно.

— Почему? — округлились глаза женщины.

Воронков мрачно вздохнул.

— Вы хотите, чтобы я это сказал?

— Ну, разумеется. Я столько лет жила во лжи. Я хочу

знать правду!

— Ваш сын мёртв, — жестко произнес Воронков. — Он умер семь лет назад от гемофилии.

Алёна открыла рот, но не издала ни звука. Только губы её задрожали. Она несколько раз моргнула, словно пыталась сбросить наваждение, потом медленно, очень медленно опустилась на стул. Воронкову показалось, что она сейчас упадёт в обморок. Но она не упала. Она сидела прямо, бледная, как та салфетка, которую теребили её пальцы.

— Откуда вы всё это знаете? — спросила она наконец. — Я ведь не просила.

— Я – следователь, Алёна, хоть и бывший. А следователи привыкли копать глубоко. Особенно в такой ситуации, как ваша.

Женщина печально кивнула.

— Где он похоронен? — тихо спросила она.

— Я покажу, — ответил Воронков.

Алёна кивнула, и Воронков вдруг понял, что её губы шевелятся. Она что-то шептала, но слов было не разобрать. На лице её застыло выражение душераздирающей мольбы. У Воронкова на душе кошки скребли. Он думал о том, что мог бы отговорить её от всяких проверок еще в первый раз, но не стал этого делать, боясь лишиться гонорара.

Он презирал себя за то, что не смог отказаться от денег.

Глава 2. Мешок с костями

Ежась под пронизывающими порывами ветра, Воронков наблюдал, как двое мужчин ловко орудуют лопатами, раскапывая чужую могилу. Тяжелый металлический крест, вывороченный из земли, лежал на боку, а с фотографии на него смотрел мальчуган лет двенадцати — бледный, с грустными карими глазами.

На голой ветке кричали вороны. Воронков взглянул на кладбищенских обитательниц — они сверкали крошечными бусинами глаз.

Его тошнило от происходящего. Но Алёна, потрясенная результатами ДНК-теста, готова была на все лишь бы убедиться, что в могиле её ребёнок.

Воронков уже жалел, что ввязался в это дело. Но сказав «А», он знал: придётся отвечать и за «Б».

«Я не успокоюсь, пока не буду на сто процентов уверена, что там, под землей, мой ребёнок», — заявила она, когда Воронков отвёз её на кладбище.

«Для этого вам придется выкопать гроб и сделать тест ДНК», — объяснил Воронков в надежде, что она выбросит эту мысль из головы.

Ничего подобного.

«Значит, так и сделаю, — ответила Алёна. — Вы только

выясните, как это произошло».

Сделать это оказалось не просто. Часть архивов была утеряна, а сотрудники роддома не желали сотрудничать. Все же, подключив старые связи, он смог докопаться до истины.

Подмена младенцев – умышленная или случайная – могла произойти только в роддоме. Наведя справки, он выяснил, что в тот же день, когда родила Алёна, на свет появились еще трое детей: двое мальчиков и девочка.

Изучив дела мальчишек, Воронков сразу понял, кто из мальчишек – родной сын Алёны. Он отправился к его неродной матери и, под давлением улик, она призналась, что подменила детей. Свой поступок она объяснила просто:

«Я лежала и думала: почему её сыну достанется всё, а моему – ничего? Почему одни дети рождаются в богатстве, а другие – в нищете? Я дала своему сыну шанс и... знали бы вы, сколько раз я об этом пожалела».

Вскоре у мальчика обнаружилась гемофилия.

«Если бы я этого не сделала, — сокрушалась женщина, — то Тимоша был бы жив. У этих богатеев точно нашлись бы деньги, чтобы его вылечить».

Юноша умер семь лет назад. Неродная мать сделала все, чтобы спасти ребенка. Она даже написала письмо настоящей матери Тимофея, в котором умоляла спасти мальчика. Однако то ли письмо не дошло до Алёны, то ли попало в руки её супруга, но ответа женщина не получила. Она написала второе письмо, но, прежде чем она успела его отправить, Ти-

мофей скончался, не успев отпраздновать тринадцатый день рождения.

Женщина призналась, что, похоронив сына, хотела покончить с собой.

«Я уже решила, но ночью ко мне пришёл Иисус и сказал, что я должна замаливать старые грехи, а не плодить новые. С тех пор я живу только молитвой».

Воронкову было жаль её, однако что он мог поделать? Его наняла Алёна, и обо всех результатах работы он должен был докладывать ей.

Как же она разозлилась, узнав правду.

Рабочие трудились из последних сил. Всякий раз, когда лопаты утыкались во что-то твердое, к горлу Воронкова подкатывала тошнота. За годы работы в полиции ему приходилось выполнять много неприятной работы, но выкапывать трупы – никогда. Вокруг него стояли люди. Он слышал прерывистое дыхание Алёны, тяжёлое астматическое – судмедэксперта, кожей ощущал взгляд следователя.

— Чует сердце – мой сынок уже близко!— вдруг отчетливо произнесла Алёна, и все содрогнулись.

В самом деле, не прошло и минуты, как рабочие уперлись в гроб. Яму быстро расширили, спустили веревки и начали поднимать гроб из-под земли. Воронкову почудился трупный запах.

Нет, это наваждение. Гроб не мог ничем пахнуть. Слишком долго он пролежал под землей.

Прямоугольный деревянный ящик установили на подпорки. Эксперт, натянув специальный антибактериальный комбинезон, принялся вскрывать его. Воронков хотел отойти в сторону, однако Алена вцепилась в него, как клещ. Её бледное лицо порозовело, глаза горели надеждой - такой, которая бывает только у людей, верящих в чудо.

Эксперт махнул рукой работягам. Те сняли крышку. Воронков бросил взгляд на содержимое гроба — и едва не вырвало. Останки тринадцатилетнего мальчика, пролежавшие в земле семь лет, превратились в ужасное зрелище: кое-где ещё сохранились лоскуты кожи и волосы. Вырвавшись из цепких лапок Алёны, он поскорее отошёл в сторону.

— Мой сын! — раздался за спиной пронзительный женский крик, а следом – громкий плач.

— Мадам, назад. Не трогайте его! — закричал эксперт.

Воронков сам не понял, как очутился на краю разрытой ямы. Еще шаг – и он бы рухнул в неё. Дыша ртом, чтобы не слышать воображаемый запах тления, он отошёл в сторону. К нему присоединился следователь. Судя по тому, как тяжело он глотал ртом воздух, его тоже мучала тошнота.

— Эта женщина – чокнутая! — заявил он. — Придумала развлечение – гроб откопать!

Он подошел к краю могилы и с интересом заглянул в её чрево.

— Эй, а это что?! — воскликнул он.

— Где?

— Да вот, землей прикопано. Вот, смотрите.

Воронков нехотя заглянул в яму. Следователь был прав — из-под земли выглядывал какой-то темный предмет.

— Эй, парни, — следователь окликнул рабочих, — ну-ка копните еще глубже. Что это там на дне?

— Не иначе, сундук с золотом, — пошутил один из рабочих, однако послушно взялся за лопату.

Спустя несколько минут стало ясно, что это — никакой не сундук, а нечто, упакованное в пластиковый мешок.

— Ох, не нравится мне это, — проворчал следователь.

Воронков полностью разделял его чувства. Выкопанный из-под земли черный мешок не сулил ничего хорошего.

Все присутствующие отвлеклись от гроба и столпились вокруг. Даже Алёна вытерла слёзы и с большим интересом смотрела на странную находку.

Следователь достал из кармана складной нож и надрезал пакет. Заглянув внутрь, он отпрянул, белый, как мел.

— Вот проклятье! — вырвалось у него.

Воронков заглянул в мешок. Изнутри на него смотрел человеческий череп — пустыми, чёрными глазницами. Мешок был завязан туго, но сквозь полиэтилен проступали очертания других костей.

В утренних новостях жуткой кладбищенской находке выделили целый сюжет. В могиле нашли не один, а целых три мешка с человеческими останками. В одном были голова

и руки, в другом – туловище, в третьем – ноги. Воронков вспомнил, как рабочие доставили мешки из могилы, когда на экране показали эту картину, он вновь ощутил тошноту.

Из официальных лиц комментариев дал только пресс-секретарь Центра экспертизы. Он заявил, что специалисты уже работают над тем, чтобы установить личность покойного.

— Черта с два вы что-то установите, — буркнул про себя Воронков.

Закончив завтрак, состоявший из тарелки овсянки, двух бутербродов с ветчиной и чашки кофе, он собирался съездить к Алёне напомнить, что она всё ещё не выплатила ему гонорар. Деньги были нужны как воздух. Банковский счёт Воронкова показывал фигу в кармане. А между тем у его дочери скоро день рождения. Он обещал подарить ей новый проигрыватель для виниловых пластинок. Но в данный момент его средств не хватило бы даже на пластинку, не говоря уже о проигрывателе.

Воронков окинул взглядом убогое убранство гостиной. От прежних хозяев ему досталась мебель – жуткий советский гарнитур – мечта всех женщин далёкого 80-го. В тусклом свете лампы все эти шкафы с их полированными поверхностями выглядели прилично, но стоило присмотреться, как становилось видно, что они сплошь покрыты сеткой глубоких царапин.

Будь Воронков человеком поэтичным, он бы нашёл в такой обстановке своеобразное очарование. Да, мебель не но-

вая, но она несла на себе отпечаток двух поколений прежних жильцов. Но поскольку Воронков был деловым и практичным, единственное, о чём он думал, – как бы поскорее избавиться от этой старой рухляди. Самому таскать на помойку тяжеленные гарнитуры ему не хотелось. Может, дать объявление на «Авито»? Вдруг найдётся болван, который заберет эту мебель на дачу? Или коллекционер, собирающий реликты советской эпохи?

Единственным предметом, который Воронков хотел оставить, было кресло. Хоть и потрёпанное, оно представлялось ему достаточно удобным – правда, лишь до тех пор, пока одна из пружин не впивалась в зад.

От мысли о том, сколько времени и денег придётся потратить, чтобы привести это логово в более-менее приличное состояние, у Воронкова испортилось настроение. Сжимая в руке пачку «Кэмел», он вышел на балкон. Вид на грязную, разбитую грузовиками улицу вызвал в нём такую тоску, что вдобавок к сигарете захотелось опрокинуть в себя стопочку водки.

Сразу за дорогой начинался пустырь. Единственным его украшением были ржавые качели, которые при сильных порывах ветра издавали жалобный скрип, похожий на стон. Вокруг них когда-то обустроили детскую площадку, но ребятня, которая играла на ней, давно выросла, вырезала старые перекладыны и сдала их на металлолом. Странно, что качели пощадили. Вероятно, не смогли унести.

После развода ему пришлось переехать в эту убогую «однушку», оставив бывшей жене трёхкомнатную квартиру в историческом центре Москвы. Но куда больше его угнетало то, что пришлось расстаться с дочерью Настей. Теперь они встречались всего раз в неделю. Воронков рассчитывал, что со временем бывшая жена «отдаст» и позволит ему навещать дочь дважды в неделю, но пока надежд на это было мало. Она уже месяц с ним не разговаривала, а, когда он звонил, не брала трубку.

Он уже запер дверь, когда зазвонил смартфон. Взглянув на экран, Воронков удивленно вскинул брови. Вьюгин – его старый-добрый приятель и бывший напарник. В последнее время он сделал карьеру, получил звание полковника и возглавил отдел расследования особо тяжких преступлений в Главном управлении МВД. Иными словами, он занял ту должность, которую в свое время прочили самому Воронкову.

— Не забыл меня, — сказал Воронков, поднеся телефон к уху.

— Тебя забудешь, — донесся из трубки голос приятеля.
— Ты не занят?

— Как сказать. Если мерять твоей меркой, то свободен, как ветер.

— В таком случае, приезжай. Срочно.

Воронков почувствовал, как сердце забилося быстрее. Вьюгин не стал бы его вызывать, если бы не случилось че-

го-то экстраординарного.

— Что стряслось?

— Ничего. Просто я по тебе соскучился.

— Отлично. В таком случае, мне остается только ответить тебе шуткой, положить трубку и заняться своими делами. Пока.

— Нет, постой, — поспешно сказал Вьюгин, — тут дело срочное. Просто это не телефонный разговор.

— Я не такая важная шишка, чтобы меня прослушивали, да и ты – не Джеймс Бонд. Говори, в чем дело. Я правда занят, и мне не охота через пол-Москвы по пустякам мотаться.

— Ладно, — вздохнул Вьюгин. — Ты, Воронков, и мертвого достанешь.

— Это я еще не старался. Говори.

— Речь пойдет о твоей вчерашней находке.

— Вот как? Личность установили?

— Да, буквально час назад.

— И кто же – наш «подснежник»?

— Ты не поверишь, — торжественно произнес Вьюгин. — Это Игнат Кудрявцев. «Потрошитель».

Воронков замер. Эту фамилию он не слышал много лет. Фамилия человека, из-за которого он оказался в этой ужасной дыре. Жуткий фантом, преследовавший его семь лет.

И всё это время он, оказывается, лежал в земле.

Глава 3. Потрошитель

По дороге к Вьюгину Воронков заехал в Центр экспертизы — к своему старому приятелю, майору Хрумову.

Давно он не бывал в этом сером бездушном здании. Внутри — всё те же белые стены, гул вентиляции и запах реактивов. Только раньше он был здесь своим, а теперь — чужим. Сотрудники косились подозрительно.

Хрумова он нашёл в лаборатории — тот стоял над манекеном и репетировал удар.

При виде Воронкова он искренне обрадовался.

— Сколько лет, сколько зим!

— Много, дружище, много, — ответил Воронков, похлопывая обрадовавшегося приятеля по плечу.

Какое-то время они вспоминали былое, а затем Хрумов спросил:

— Насколько я понимаю, ты уже в курсе, кого вчера выкопал?

— «Потрошителя».

— Точно. Приехал узнать подробности?

— Было бы неплохо.

Хрумов хлопнул его по плечу.

— Тогда ты пришёл по адресу. Я как раз закончил изучать бранные останки нашего Йорика.

— Есть что интересного?

— Сейчас покажу. — Он кивнул на стол. — Возьми нож.

Настоящий. Представь, что хочешь кого-то убить.

— Кого именно?

— Хотя бы этот манекен.

Хрумов поставил пластиковую куклу напротив Воронкова.

— Давай. Наноси удар.

Воронков резко выбросил руку. Нож с глухим звуком вошёл в пластмассу.

— Хорошо. А теперь под другим углом.

Воронков послушался: первый удар был снизу вверх, второй — сверху вниз.

Хрумов оживился, разглядывая повреждения.

— А ещё как можешь?

Воронков несколько раз повторил удары. Хрумов внимательно изучал каждое отверстие. Наконец он положил манекен плашмя.

— А теперь добей.

Воронков вонзил нож в грудь куклы.

— Что и требовалось доказать, — сказал Хрумов.

— Объяснишь наконец, к чему это?

— Я внимательно изучил то, что осталось от «Потрошителя». Кости грудного отдела раздроблены. Такое бывает от удара ножом.

— Значит, его зарезали?

— Да. Но не это главное. Характер раны говорит, что жертва в момент удара лежала на спине.

— Ну и что?

— А то, что запястья убитого были вывернуты под неестественным углом. — Хрумов изогнул кисти. — Как думаешь, почему?

Воронков понял без лишних слов.

— Его связали.

— Точно. Перед смертью «Потрошителя» связали. А потом... — Хрумов замахнулся и с силой вонзил нож в манекен. От хруста у Воронкова свело зубы. — Вот как всё было. Похоже, убийца – фанат Декстера.

— Кого?

— Декстера. Сериал. Главный герой — судмедэксперт, который по ночам убивает маньяков. Сначала усыпляет, потом связывает, потом режет мясницким ножом.

— И трупы в океан сбрасывает?

— В сериале — да. В Москве океана нет, вот подражателю и пришлось импровизировать с кладбищем.

Воронков потер щетину на подбородке. Возможно, Хрумов был прав. Любитель-мститель вполне мог вдохновиться любимым сериалом.

По дороге к Вьюгину Воронков вспоминал «Потрошителя». С ним у него были особые счёты.

Никто иной, как «Потрошитель» отправил его на пенсию

метким выстрелом в висок. А до этого — совершил серию жестоких убийств, которые до сих пор заставляли вздрагивать.

Воронков вспомнил, с чего все началось.

Это была пятница. Рабочий день подходил к концу. Вечером Воронков с Мариной и Настей должны были сесть в поезд и отбыть в загородный пансионат на все выходные. Воронков заранее планировал эту поездку и поэтому, когда их вызвали «на труп», он отправил вместо себя Вьюгина.

Однако не прошло и часа, как он позвонил и попросил приехать. Воронков напомнил, что у него через час поезд. Но Вьюгин был непреклонен.

— Ты должен это увидеть.

Воронков тут же собрался и отправился на место преступления.

Первым, что он увидел, была отрубленная кисть в луже крови. Воронков аккуратно обошел лужу и заглянул в кухню. На плите стояла кастрюля, из которой выглядывала вторая кисть.

Чувствуя, что его вот-вот стошнит, он бросился в туалет. Дверь распахнулась и оттуда вышел Хрумов, неся перед собой отрубленную ногу.

— На твоём месте я бы туда не ходил, — сказал он. —

Лучше воспользуйся мусорным пакетом.

Но Воронков уже справился с собой.

— Что тут произошло? — спросил он.

Хрумов продемонстрировал ему отрубленную ногу, слов-

но редкий музейный экспонат.

— Кто-то здорово порезвился. Убитых двое. Судя по всему, муж и жена.

— Всего двое? — усомнился Воронков, покосившись на кровавую лужу на полу.

— Да, мне почти удалось собрать их по кускам. Осталось всего пара конечностей. Ты нигде не видел отрезанную кисть?

Посоветовав ему поискать на кухне, Воронков перемахнул через лужу крови и направился вглубь квартиры. У двери в гостиную он столкнулся с Вьюгиным. Лицо напарника было зеленовато-белым.

— Я убью этого сукиного сына! — прошептал он. — Лично четвертую.

— Сперва его нужно найти, — вздохнул Воронков.

В гостиной их ждало зрелище не для слабонервных. Посреди комнаты, на полиэтиленовой пленке, лежали два мертвых тела. Точнее, части двух мертвых тел. Убийца порубил их топором, отсек руки, ноги и головы, и, судя по обилию крови, разбросал части тел по всей квартире.

— Что, испугались? — хмыкнул Хрумов, протискиваясь мимо него в гостиную с отрубленной кистью в руках. — Не бойся, не укусят.

— Очень смешно, — буркнул Воронков. — Может, закончишь стендап и объяснишь, что здесь произошло?

— Ну, если «на глазок, то дело было так. Убийца позво-

нил в дверь. Замок не взломан, значит, старик впустил его сам. Убийца дождался, когда он повернется к нему спиной, после чего врезал ему молотком по затылку. Бедняга умер на месте. Следующей под раздачу попала его жена. Услышав шум, она выбежала из кухни узнать, что происходит, и убийца огрел молотком и ее. Ей повезло меньше. Она была жива, когда он начал кромсать ее на куски. Думаю, он орудовал топором. Вот, собственно, и все.

— Кто обнаружил тела?

— Участковый. А его – вызвали соседи снизу.

— Они что-нибудь слышали?

— Нет, убийство произошло днем, когда они были на работе.

— Тогда как они узнали о случившемся?

Хрумов невесело усмехнулся.

— Ты уверен, что хочешь это знать? Впрочем, я все равно укажу это в отчете. Кровь просочилась сквозь потолок. Представь себе: ты, после работы, готовишь себе прекрасный ужин, садишься за стол, а на голову тебе с потолка каплют какие-то странные багровые капли.

Воронков содрогнулся от ужаса.

— Вот бедняги! — посочувствовал он. — Каково им будет жить тут?

— Отличный повод поменять квартиру, — откликнулся никогда не унывавший Хрумов. — Район тут паршивый. Может, посоветовать им куда переехать?

— Лучше займись поисками улик. Скоро шеф затребует отчёт о проделанной работе. А потом и журналисты подключатся...

Так и случилось. Ещё до того, как весть о жутком преступлении дошла до генерала, о нём уже «трубили» все СМИ. От полиции требовали найти и наказать преступника, которого, с лёгкой руки кого-то из журналистов, окрестили «Потрошителем».

А вскоре произошло второе убийство – такое же жестокое и бессмысленное, как и первое.

Воронков свернул на парковке перед Главком и заглушил двигатель. Похоже, «Потрошитель» все-таки получил по заслугам. И, как бы сильно Воронков ни ненавидел преступников, он был готов пожать руку человеку, избавившему мир от «Потрошителя».

Выюгин встретил его на проходной. Он был все такой же – высокий, широкоплечий, поджарый, с узкими бедрами и непропорционально длинными руками, которыми обхватил Воронкова и сдавил в объятиях.

— Как ты, — спросил он, — в порядке?

— В полном, — ответил Воронков. — Не видишь, что ли?

Его внешний вид говорил о том, что лучшие времена для него позади. Сегодня на нем был его лучший костюм – темно-синий, тонкая шерсть, широкий лацкан. Когда-то он сидел на нем, как влитой. Однако теперь пиджак висел на плечах, на локтях образовался едва заметный лоск, а брюки –

собирались гармошкой на щиколотках. Белая рубашка уже утратила ослепительность и слегка отдавала желтизной, а черные туфли, хоть и были начищены до зеркального блеска, выглядели изношенными. Галстук был завязан правильным узлом, однако сидел кривовато – было видно, что Воронков давно не практиковался.

Вьюгин в своём с иголки мундире сиял как начищенный рубль. Его едва тронутые сединой волосы были тщательно уложены и зачесаны назад, щеки – чисто выбриты. От него пахло дорогим одеколоном, тогда как от Воронкова – только кофе и табаком. Когда они стояли рядом был заметен контраст между прямым осанистым полковником и сутулящимся Воронковым.

«Да, время не щадит никого», — подумал Вьюгин, но вслух сказал:

— Ты здорово выглядишь. Боли не мучают?

Воронков машинально дотронулся до виска в том месте, куда попала пуля.

— Иногда. В основном, при смене погоды.

Они поднялись на третий этаж. Вьюгин занимал просторный угловой кабинет, выходящий окнами во внутренний дворик. Паркетный пол был натёрт до матового блеска, стены выкрашены в бежевый цвет. На одной из них висела большая карта Москвы с множеством меток. На другой – грамоты и благодарности от начальства.

У дальней стены стоял массивный дубовый стол – уже по-

тертый, но все еще крепкий. На столе царил строгий порядок: лампа с зелёным абажуром, кожаная папка с документами, телефон и стаканчик с авторучками и карандашами.

Кресло, в котором сидел Вьюгин, было удобным – с высокой спинкой и кожаной обивкой. Напротив – два кресла по жестче, предназначенные для посетителей.

Вдоль стен – стеллажи с папками и подшивками. В углу – сейф.

В кабинете пахло кофе и еще чем-то неуловимым: то ли кожей, то ли старой бумагой.

Воронков помнил этот кабинет при его старом хозяине – своем шефе. Тогда они с Вьюгиным входили в него на цыпочках. Обстановка ничуть не изменилась – все такая же строгая, выдержанная и старомодная.

— Присаживайся, — сказал Вьюгин, хозяйским жестом указывая на два жестких кресла для посетителей. — Кофе будешь?

— Не откажусь.

Пока Вьюгин колдовал над кофеваркой, Воронков рассказал обо всем, что узнал от Хрумова.

— По его версии, «Потрошителя» прикончил «народный мститель». Привязал к столу в стиле Декстера – и адыю.

Вьюгин был поражен.

— Хрумов все это установил, исследовав кости, пролежавшие семь лет в земле? Он и правда гений.

— Если он прав.. спасибо... — Воронков взял из рук Вью-

гина чашку с кофе и поставил её на край стола. — Если Хрумов не ошибся, то выходит, что «Потрошителя» прикончили в ту самую ночь, когда он подстрелил меня.

— Откуда ты знаешь?

— Все просто. Парня похоронили пятого мая утром. Следовательно, труп «Потрошителя» спрятали в могиле в ночь с четвертого на пятое.

— Верно, — согласился Вьюгин. Брови его сдвинулись на переносице. — Если память мне не изменяет, тебя он подстрелил в районе десяти вечера. Затем он отправился на вокзал и сел на поезд до Владивостока. Мы узнали об этом в районе полуночи и уведомили коллег в Ярославле. Они ждали его, но он успел сойти раньше — скорее всего, в Александрове. Как он успел вернуться в Москву? И зачем?

— Думаю, вернулся он не по собственной воле, — задумчиво сказал Воронков. — Его привезли. Силой. Скорее всего, связанного и в багажнике. А затем убили и закопали в свежевырытой могиле на ближайшем кладбище.

— К чему было тащить его в Москву? Почему не спрятать в самом Александрове? Там тоже есть кладбище.

— Спроси, что полегче, — сказал Воронков.

Какое-то время они молча пили кофе. Вьюгин спокойно смотрел перед собой, а вот взгляд Воронкова беспокойно метался из стороны в сторону, обозначая лихорадочную работу мысли.

— Вот оно! — воскликнул он, щелкнув пальцами. — Го-

тов поспорить, у «Потрошителя» был сообщник.

— Откуда такой вывод?

— А ты сам посуди. «Потрошитель» садится на поезд, чтобы поскорее уехать из Москвы, но выскакивает на первой попавшейся станции. Он, конечно, понимал, что полиция быстро нападёт на его след, вот и поспешил смыться с поезда. Он заранее предупредил помощника, тот приехал в Александрово на машине и ждал его в условленном месте.

— погоди. Откуда взялся помощник?

— Ты лучше дослушай. «Потрошитель» надеется, что помощник поможет ему исчезнуть – и не ошибся. Тот в самом деле помог. Только совсем не так, как надеялся «Потрошитель». — Воронков вскочил и принялся расхаживать по кабинету. — Думаю, дело было вот как. «Потрошитель» сел в машину. Помощник его усыпил – воспользовался хлороформом или еще чем, – а затем отвёз обратно в Москву, убил, расчленил и спрятал в чужой могиле. Как тебе такая версия?

— Звучит не слишком правдоподобно.

— Но почему? — Воронков остановился и всплеснул руками. — Пораскинь мозгами. Предположим, некий «народный мститель» – назовём его так – задумал расправу. Как он планировал её осуществить? Твои версии.

— Так, как и осуществил. Похитил, связал и заколол ножом.

— Чтобы похитить «Потрошителя», он должен был точно знать, где он находится. А знать этого он никак не мог, по-

тому что Игната выпустили неожиданно.

— Он мог за ним проследить.

— Тогда ему пришлось бы сесть с ним в поезд. А если так, то на чём он привёз Кудрявцева в Москву? На попытке?

Вьюгин поскрёб в затылке.

— Знаешь, в этом что-то есть, — признал он. — Нельзя исключать, что и у «народного мстителя» имелся сообщник с машиной. Но мы ведь исходим из того, что действовал герой-одиночка.

— Нет. Мы исходим из того, что убийца готовился ко всему. Вся эта эпопея с казнью намекает на то, что убийство было спланировано заранее. Я молчу о том, как ловко он спрятал тело.

— Любой сопляк знает, что это — лучший способ избежать наказания за убийство, — не согласился Вьюгин.

— Да, но ведь он не стал бы возить труп по кладбищам в поисках подходящей могилы. Он точно знал, где его спрячет Вьюгин провел рукой по гладко выбритому подбородку.

— Полагаешь, мстителем был родственник одной из жертв?

— Я в этом уверен. У меня даже есть подходящий кандидат.

— Кто? — подался вперёд Вьюгин.

— Борис Кудрявцев — кто же ещё?

— Да брось, — поморщился Вьюгин. — Он был ребенком.

— Ему было семнадцать.

— По-твоему, это взрослый?

— А что, за смерть родителей мстят только взрослые?

— Ты думаешь, что семнадцатилетний пацан мог справиться с «Потрошителем»?

— Я хочу это выяснить, — ответил Воронков.

Вьюгин округлил глаза.

— Ты собираешься заняться этим делом? Но ты не служишь в полиции. У тебя своё детективное агентство – вот и занимайся неверными мужьями и женами, а убийцу оставь мне.

— У тебя уже есть версии?

Вьюгин пожал плечами.

— Это мог быть родственник тех стариков, которых «Потрошитель» убил первыми.

— Отлично. Займись отработкой своей версии, а я займусь своей. Потом посмотрим, кто из нас окажется прав.

Вьюгин хотел возразить, однако, поглядев на Воронкова, понял, что бесполезно. У приятеля был взгляд, который был ему хорошо знаком – как у гончей, учуявшей след.

Глава 4. Жуть

Понять, почему Воронков первым заподозрил Бориса Кудрявцева, было не трудно, если знать обстоятельства, при которых этот молодой человек потерял родителей.

До семнадцати лет он вполне счастливо жил в роскошной усадьбе на берегу озера вместе с мамой и папой – успешными предпринимателями.

Кудрявцев-старший основал службу доставки товаров и сумел заработать миллионы. Успеха в бизнесе ему показалось недостаточно и, чтобы увековечить себя в памяти предков, он решил построить огромную усадьбу в подмосковном поселке Озерный. Помимо дома с двенадцатью спальнями, громадной гостиной, библиотекой, каминным залом и зимним садом, на территории усадьбы раскинулся обширный фруктовый сад, пляж, имелся лодочный сарай и собственная пристань. Вероятно, в мечтах Кудрявцев-старший создавал фамильное поместье. В реальности этот роскошный особняк стал гробницей для него и жены – после того, как в гости к ним наведалься «Потрошитель».

Воронков хорошо помнил тот день, когда они с Вьюгиным приехали в усадьбу на вызов. Предыдущие зверства «Потрошителя» были достаточно жуткими, но в этот раз он переплюнул сам себя.

То, что они увидели в доме, напоминало сцену из фильма ужасов: забрызганные кровью стены и потолок, отрубленные конечности и две головы – мужская и женская – выставленные в столовой на всеобщее обозрение.

Хрумов стоял посреди столовой в белом халате, заляпанном кровью, и разглядывал отрубленные головы.

— Что произошло? — спросил Воронков у Хрумова в то время, как Вьюгин безуспешно боролся с тошнотой.

— Сам не видишь? Очередной перформанс от нашего приятеля.

— «Потрошителя»?

Хрумов кивнул. Вопреки обычаю, он не шутил и не улыбался. Даже его потрясла жестокость расправы.

— Даже для него тут слишком много крови, — сказал Воронков, окидывая взглядом комнату.

— Не удивительно. Прежде он орудовал топором. А сегодня воспользовался циркулярной пилой.

— Из Раскольникова – в Кожаное лицо¹?

— Ага. Вот только Кожаное лицо по сравнению с нашим пациентом – просто невинный ягнёнок.

— Улики есть?

— Да все то же. Никаких следов, кроме звериной жестокости.

— Замок на двери взломан?

— Нет. Похоже, жертвы сами впустили убийцу. Ну, или

¹ Персонаж серии фильмов ужаса «Техасская резня бензопилой»

он нашёл способ незаметно проникнуть в дом.

Воронков поблагодарил Хрумова и отправился искать местного сыщика, который первым прибыл на место убийства.

Тот курил на крыльце. Вид у него был такой, словно он стал свидетелем изнасилования собственной дочери.

— Что – жуткая картина, да? — спросил он, взглянув на Воронкова. — Это ваш паренёк постарался?

— Похоже на то. Не угостишь сигареткой?

Следователь протянул ему пачку. Воронков закурил.

— Свидетелей искали? — спросил он.

— Да где их найдешь?

— Неужели даже слуги ничего не видели?

— Да в том-то и дело, что слуг дома не было. Хозяева всех отпустили. Видимо, решили устроить себе романтический уик-энд или как это у них называется. Во всей усадьбе не было никого, кроме их двоих.

— Кто тогда обнаружил тела?

— Их сынишка и обнаружил. Приехал из университета к родителям, а тут такое.

У Воронкова в горле возник тугой ком.

— Где он?

— На заднем крыльце.

Они обошли дом. Юношу Воронков увидел издалека. Он сидел на верхней ступеньке, опустив голову на колени. Его плечи вздрагивали. Он плакал.

Когда они подошли ближе, юноша поднял глаза и посмотрел на них. От боли, читавшейся в его взгляде, Воронкову стало не по себе.

«*Так смотрят дети, видевшие войну*», — вдруг вспомнилась ему цитата из какой-то полузабытой книжки.

Ему не хотелось приставать к парню с вопросами, однако долг обязывал. Поэтому он представился, сел рядом и принялся спрашивать. В первую очередь, его интересовало, когда он обнаружил трупы. Юноша время от времени срывался и начинал горько плакать, но все же ответил на все вопросы. Ничего нового он сообщить не смог, однако, по его ответам, Воронков смог составить полную картину случившегося.

Когда он уже собирался уходить, юноша схватил его за рукав.

— Вы найдёте его — того, кто это сделал?

— Найдём, — твёрдо пообещал Воронков.

— Спасибо, — ответил юноша, и в глазах его появился странный блеск — не столько горе, сколько лютая ненависть.

— А вы можете, — произнес он, понизив голос, — когда найдёте, сообщить мне первому?

— Зачем это вам?

— Разве вы не понимаете? Это мои родители — там!

Воронков еще раз взглянул на него. Что-то в этой просьбе показалось ему странным — слишком спокойный голос, слишком пристальный взгляд. Или ему просто показалось?

— Боюсь, это невозможно, — сказал он. — Но вы не бес-

покойтесь – убийца не останется безнаказанным.

Юноша кивнул и вновь залился слезами.

Воронков затушил сигарету. Тогда он ещё не знал, что этот юноша с горящими глазами станет его главным подозреваемым.

Перед началом расследования требовалось установить алиби всех потенциальных подозреваемых. Непростое дело, учитывая, что прошло семь лет. И все же Воронков решил попытаться.

Первым делом он отправился к Борису Кудрявцеву.

После смерти родителей, Борис продал отцовский бизнес и открыл галерею современного искусства. Располагалась она в дореволюционном здании в самом центре Москвы. Воронкову не хотелось и думать, во сколько обходится аренда почти стометрового помещения, но, очевидно, Борис мог себе это позволить.

Первым, что бросилось Воронкову в глаза, когда он вошёл в галерею, было отсутствие посетителей. Две просторные залы, увешанные картинами, были пустыми. Как только он взглянул на картины, стало ясно, почему.

На первом полотне была изображена лошадь со вспоротым брюхом. Это был не аккуратный разрез, а глубокая рваная рана, из которой вываливались внутренности. Скользкие черные кишки свисали до земли. Трава под лошадю была залита кровью. В тёмных глазах лошади не было боли. Толь-

ко пустота.

На табличке под картиной было написано название: «Жертва». А еще – подпись художника: Борис Кудрявцев.

Все картины были одинаково жуткими. Лошадь, корова, кролик, лиса – у всех вспоротые животы, волочащиеся кишки. Только енота Борис пощадил – отрубил голову, и всё. Зрелище не для слабонервных, но всё же лучше, чем кишки.

Воронков почувствовал, как по спине побежали мурашки. Это было не искусство, а крик души о помощи. Бориса нужно лечить.

А вот и он сам.

К нему летящей походкой спешил высокий молодой человек в элегантном темно-синем костюме. Несмотря на то, что он возмужал и как будто стал выше ростом, Воронков сразу узнал в нём того самого мальчишку, которого в последний видел семь лет назад.

Бледная, словно не видевшая солнца кожа, темные, мягкие волосы, правильные черты аристократического лица – он был красив, как киноактер. Трудно было заподозрить в нём безжалостного убийцу. А вот мстителя – можно. Герой «Графа Монте-Кристо» тоже выглядел безобидным юношей, пока не потерял всё и не превратился в мстителя.

Борис подошёл к нему и взглянул в лицо. Зрачки его темно-карих глаз на мгновение расширились. Воронков понял, что его узнали.

— Неужели это вы? — воскликнул он так, словно не верил

своим глазам.

— Смотря кого вы вспомнили, — осторожно ответил Воронков.

— Ну, как же. Вы ведь – тот самый следователь, который расследовал убийство моих родителей.

— В точку.

— Зашли полюбоваться моими картинами? И как вам? — добавил он, прежде чем Воронков успел открыть рот.

— Весьма... э-э... самобытно.

— Вы так думаете? Критики называют моё искусство вампиризмом. Им не нравится обилие крови и кишок. А я считаю, что смерть нужно показывать такой, какая она есть – во всех неприглядных подробностях.

Воронков хотел возразить, что далеко не все умирают в стиле самураев, вспарывая себе животы, однако счёл за лучшее промолчать. Он ничего не понимал в современном искусстве.

— Что вы думаете по этому поводу? — не успокаивался Борис.

— Я думаю, что вы правы, — ответил Воронков. — Однако ваши работы чересчур шокирующие – даже для критиков.

— Мне говорили. — Борис, закусив нижнюю губу, задумчиво взглянул на картину. — Однако я предпочитаю идти своим путём. Так что же привело вас ко мне, если не картины?

Воронков мысленно встряхнулся. Атмосфера, царившая

в галерее, действовала на него угнетающе.

— Вы слышали последнюю новость? — спросил он.

— Какую новость?

— Ваш дядя Игнат нашёлся.

— Правда? — удивился Борис. — И где он был?

— В земле. Закопан в чужой могиле, да еще и под гробом.

Борис наморщил лоб.

— Хотите сказать, что он... мёртв?

— Да, и довольно давно. Он погиб в тот день, когда его выпустили из СИЗО.

Борис опустил глаза. По-видимому, ему нелегко было об этом слышать. «Потрошитель» приходился ему дядей, а две главные жертвы – папой и мамой.

— Мерзавцу повезло, что он умер, — глухо проговорил Борис.

— Сомневаюсь, что он разделяет вашу точку зрения. Кстати, не вспомните, где вы были в ночь с четвертого на пятое мая?

Борис вскинул голову.

— Вы меня подозреваете?

— Нет, пока мы просто пытаемся разобраться.

— Знаете, что я вам скажу, — проговорил Борис после долгой паузы, — если бы вы действовали решительнее и нашли убийцу чуть раньше, то мои родители остались бы живы.

— То же самое думают все жертвы, — парировал Ворон-

ков. — Мы бы хотели научиться предотвращать преступления, да только провидцев среди нас нет. Поэтому имеем, что имеем. Так, где вы были в ночь с четвертого на пятое мая?

Борис надолго задумался. Воронков пытался прочесть мысли по его лицу, однако симпатичная физиономия молодого человека не выражала вообще ничего.

— Где я был? — проговорил он наконец. — Скорее всего, я был дома. А, нет... — Он хлопнул себя по лбу, — В тот день у меня дома была вечеринка.

«Врёт, — подумал Воронков, — или рисуется. Надо это выяснить».

— Вечеринка? — Воронков прищурился. — Спустя две недели после смерти родителей?

Борис покраснел.

— Мне нужно было отвлечься.

«Очень удобно, — подумал Воронков. — Нет лучше алиби, чем вечеринка с кучей народа».

— Ну, хорошо, — произнёс он. — А кто присутствовал на вечеринке?

Борис взглянул на него, улыбнулся и погрозил пальцем.

— Я так и знал, что вы попытаетесь притянуть меня к этому делу. Но ладно. Я продиктую вам десять фамилий. На вечеринке было гораздо больше людей, однако эти десять, скорее всего, смогут подтвердить моё алиби.

— Интересно, что может им помешать? — в полголоса произнес Воронков.

Борис нахмурился.

— Надеюсь, ничто им не помешает. Если один и не вспомнит, то обратитесь к другим ребятам из списка. Кто-то наверняка вспомнит тот вечер.

Он продиктовал десять фамилий. Воронков аккуратно записал их в блокнот, который всегда носил с собой.

Теперь ему будет с чем работать.

— Надеюсь, вы не станете на каждом углу кричать, что я теперь – едва ли не главный дьявол и виноват во всём? — спросил Борис. — Это будет плохая реклама для моего бизнеса, который, как вы, наверное, заметили, «дышит на ладан».

— Попробуйте нарисовать что-то, кроме вывороченных кишок, — посоветовал Воронков.

Борис покачал головой.

— Тогда это будет уже не моя картина, — решительно заявил он.

— Зато вы сможете её продать.

— По-вашему, я нуждаюсь в деньгах?

Воронков окинул взглядом галерею, оформленную в модном и жутко дорогом стиле бохо, вспомнил, сколько, согласно слухам, Борис заработал на продаже отцовской компании, и вынужден был согласиться, что молодому человеку нет нужды заботиться о заработке.

— Вам повезло, — сказал он. — Вы получили наследство.

— Вы так думаете? — усмехнулся Борис.

Воронков понял, что сболтнул глупость.

— Извините. Я не это имел в виду.

— Ничего. — Борис дружески стиснул его локоть. — У вас ещё остались вопросы?

Воронков покачал головой. Вопросы возникнут позже. Когда он поговорит со свидетелями

— Я опаздываю на встречу, — сказал Борис, озабоченно взглянув на часы. — В любом случае, рад был повидаться. Заходите в любое время. Художнику всегда приятно, когда на его работы смотрят – даже если не ценят.

Воронков поблагодарил Бориса и направился к выходу. У двери он обернулся. Борис стоял на том же месте – и смотрел. Не моргая. Воронков кивнул и вышел.

Он шёл к машине и перебирал в голове фразы Бориса. Вежливые, правильные. Слишком правильные. Словно он репетировал их перед зеркалом. Десять фамилий после семи лет – это не про память. Это про алиби. Значит, Борису есть чего бояться.

Глава 5. Хрупкое алиби

Изучив список, Воронков решил начать с Антона Баринава. Тот работал в коллекторском агентстве – значит, полиции опасался.

Воронков застал его в офисе. На коллектора он походил так же, как Воронков – на поэта Серебряного века. Никаких ножей, кастетов и накачанных мускулов. Обычный хилый парень в пиджаке и при галстукe.

— Я закон не нарушал, — с ходу заявил Баринов, едва Воронков представился.

— А кто говорит, что нарушали? — Воронков присел на край стула. — Я хочу поговорить о Кудрявцеве. О Борисе. Помните такого?

Баринов вздохнул.

— Помню, но мы давно не общаемся. Если вам нужна актуальная информация – вы не по адресу.

— Мне нужна информация семилетней давности. Помните вечеринку в ночь с четвёртого на пятое мая?

Баринов рассмеялся.

— Я не помню, что было на прошлой неделе!

— Вечеринка была через две недели после убийства родителей Бориса.

— А, теперь вспомнил. — Баринов посерьёзnel. — Мы

тогда удивились. Все-таки со смерти «предков» прошло всего ничего...

— А никто не спросил, что он празднует?

— Не знаю. Меня пригласили – я пришёл.

— Что происходило?

— Самая унылая тусовка в моей жизни. Сначала пили, потом свет вырубился – и все разбрелись.

— Свет вырубился? — Воронков подался вперёд.

— Ага.

— Подробнее.

— Какие подробности? Стемнело – и всё.

— После отключения света вы видели Бориса?

— Не помню. Кажется, нет. Я искал его, хотел спросить, когда свет дадут.

— Искали по всему дому?

— Ну да.

— Во сколько погасло?

— Около полуночи. Точно не вспомню – я уже был навеселе.

— Как долго вы сидели без света?

— Не знаю. Нашёл кровать, лёг и уснул. Проснулся – утро.

Воронков поблагодарил и отправился к Алине Кулаковой.

Ему повезло – она была дома. С двумя болезненными детьми в декрете она проводила время в поликлиниках и больницах.

— Напасть какая-то! — затараторила она, едва Воронков

переступил порог. — Один заболел – ташу в поликлинику, второй тут же подхватывает. Замкнутый круг.

— Говорят, чем больше дети болеют, тем крепче иммунитет, — философски заметил Воронков.

— У вас есть семья? — Алина покосилась на его правую руку.

— Дочь.

Она провела его на захламлённую кухню.

— Вы не пугайтесь, — сказала она, заметив его взгляд. — Жду сантехника, трубу прорвало.

— Давайте посмотрю. — Воронков осмотрел трубу, нашёл течь в гайке. — Уплотнитель не держит. Нужно заменить гайку.

— Сложно?

— Пять минут. Несите ключи.

Авария была устранена. Пока Воронков мыл руки, Алина навела порядок на кухне и угостила его печеньем.

— Вы хотели что-то спросить?

— Вечеринку у Бориса Кудрявцева помните?

Алина задумалась, потом просяяла.

— Ах да! Меня парень привёл, он с Борисом учился. Сначала веселились, потом свет отключился – и все разбрелись.

— Вы видели самого Бориса после отключения света?

— Не знаю. Я даже не представляла, как он выглядит.

Воронков принялся перебирать в уме вопросы, которые собирался задать.

— Скажите, а фотографии с вечеринки остались?

— Нет. Насколько я помню, мы все на входе сдали телефоны.

— Вам это не показалось странным?

— Нет. На вечеринках всегда так делают. Чтобы разные видео потом не всплывали.

За следующие два дня Воронков опросил десять человек. Все в один голос: пришли – сдали телефоны – пили – погас свет – разбрелись. Никто не видел Бориса, но никто и не мог утверждать, что его не было.

— Нам было не до него, — с усмешкой сказал один из свидетелей. — Там было полно пьяных девчонок.

— Вы же знаете эти вечеринки, — вторил другой. — Прелюдия перед чем-то большим.

Воронков уже отчаялся узнать что-либо ценное, когда наведался к Игорю Попову – близкому другу Бориса.

— Я просил Бориса вызвать электрика, — рассказывал Игорь. — А он сказал: «В такой час никто не приедет». Я тогда учился на электрика, предложил заглянуть в щиток – не пустил. Боялся, что меня током ударит. Говорит: «В этом доме и так полно привидений».

— Родителей имел в виду?

— А кого же ещё?

— Странно, что он затеял вечеринку сразу после их смерти. Ты не спросил, зачем?

— Спросил. Ответил: «Не твоё дело».

— Что было после отключения света?

— Борис ушёл искать электрика.

— А ты?

— Велел мне остаться и приглядеть за гостями. Я у него был доверенным лицом. — Игорь горделиво выпрямился.

— Он нашёл электрика?

— Понятия не имею. Я уснул. Проснулся – уже светало.

— Во сколько?

— Где-то в пять утра.

— В начале мая в пять утра ещё темно.

— Ну, может, в шесть. Точно не помню.

Воронков кивнул и сделал пометку. В душе его играли фанфары. Борис, когда дал ему список фамилий, был уверен, что никто из свидетелей не вспомнит подробности того вечера. Однако он ошибся. Как сорока, Воронков по крупинкам собрал полную картину. Особенно ему помогли показания Игоря Попова. Они опровергали «железобетонное» алиби Бориса Кудрявцева.

— Это ничего не доказывает! — заявил Вьюгин, когда Воронков рассказал о том, что узнал от Игоря Попова и других свидетелей.

— Это опровергает его алиби.

— Не опрокидывает, а даёт основания для сомнений. Ты не можешь доказать, что он отсутствовал всю ночь.

— Докажу – в своё время. Смотри, что мы имеем на дан-

ный момент: «Потрошителя» убили в ночь с 4 на 5 мая. Тем же вечером Борис организовал вечеринку – спустя две недели после гибели родителей. Эта вечеринка так ему запомнилась, что он спустя семь лет помнит почти всех гостей. А ещё – посреди вечеринки отключился свет. Очень удобно для человека, который решил обеспечить себе алиби.

— Ты думаешь, он бы успел съездить в Александрово, перехватить своего дядю, вернуться с ним в Москву, убить его, расчленив и спрятать труп? И все это – за одну ночь! — Вьюгин недоверчиво поморщился. — Брось. Он был мальчишкой, а не профессиональным киллером.

— У него достаточно денег, чтобы нанять себе помощника. Вот ответ на вопрос: почему «Потрошителя» убили в Москве, а не в Александрово. Задача помощника состояла в том, чтобы привезти «Потрошителя» Борису. Он с ним расправился, а заметать следы предоставил наемнику.

Вьюгин задумался, взвешивая в уме такой вариант развития событий, и покачал головой.

— Нет, слишком сложно. Откуда помощник узнал, что «Потрошитель» сойдёт с поезда в Александрово?

— Хороший вопрос. Пока не знаю. Но, думаю, я на верном пути.

— Отсутствие алиби – не доказательство вины. Нужны улики. А где ты их найдешь спустя столько лет?

— Нет ничего невозможного, — ответил Воронков.

Окунувшись с головой в расследование, он чувствовал се-

бя заново родившимся.

— Если мы выясним, где был убит «Потрошитель», — сказал он, — то, вполне возможно, сможем связать это дело с Борисом.

— Как ты это узнаешь?

— Есть у меня одна идея.

— От меня помощь требуется?

— Не беспокойся, — усмехнулся Воронков. — Я всё сделаю сам. Тебе останется только рапорты писать.

— Ладно, — вздохнул Вьюгин. — Действуй. Только без глупостей.

Глава 6. Музыкальная шкатулка

Алёна не забыла Воронкова. Спустя несколько дней после жуткой находки она позвонила ему с предложением... пойти на телевидение.

— Нас пригласили в «Прайм-тайм». — Голос её звучал неприлично бодро для женщины, только что похоронившей надежду найти живого сына. — Про историю с подменой младенцев уже трубят все новости. Продюсеры хотят видеть нас вместе.

— Я им зачем? — насторожился Воронков.

— Не знаю. Сказали, без вас шоу не будет.

Воронков сразу понял, в чём дело. Продюсеры раскопали его связь с «Потрошителем». Бывший следователь, комиссованный по ранению, находит на кладбище труп человека, который его подстрелил. Сенсация! Алёна была лишь приманкой.

Воронков отказался наотрез. Он не гнался за славой.

Алёна умоляла, затем попыталась подкупить – он отверг и это. Пришлось внести её номер в чёрный список. Она заводила новые телефоны – он блокировал их один за другим.

В конце концов Алёна отступила.

Но на смену ей пришли телепродюсеры.

— Семён Аркадьевич, — ворковал из трубки слащавый

женский голос, — подумайте, от чего вы отказываетесь? Вас ждёт миллионная аудитория. Ваши соцсети взлетят, как ракеты!

— Я не веду соцсети, — отрезал Воронков.

— О'кей, без проблем. Мы заплатим. Назовите сумму.

Воронков молча повесил трубку. Продюсер звонила ещё несколько раз, но он игнорировал звонки.

Он не гнался за дешёвой славой.

— Ура! Ура! Папочка приехал!

Громко топоча, Настя примчалась из своей комнаты по коридору и повисла у отца на шее. Воронков прижал её к себе. В груди стало тепло.

— Я скучал, — тихо сказал он.

— Я тоже, папочка!

— Ну, вы еще расплачьтесь! — сухо сказала Марина.

Она вышла из комнаты следом за Настей и, стоя в дверях, с холодной улыбкой наблюдала за встречей отца с дочерью.

Воронков хотел ей достойно ответить, но Настя упредила его, бросив на мать полный возмущения взгляд.

Марина сделала вид, что этого не заметила.

— Собирайся, — сказала она дочери.

— Я собрана!

— Тогда посиди в комнате. Мне с твоим отцом нужно поговорить. Наедине, — добавила она, заметив, что дочь снова собирается возмущаться.

— Можно подумать, я тут чужая, — сердито заявила девочка.

Марина смирила её недовольным взглядом.

— Это взрослый разговор, — сухо сказала она. — Не для детских ушей.

— Тогда говорите по-взрослому, — сказала Настя. — А то вы вечно грызётесь, как кошка с собакой.

Чувствуя, что Марина вот-вот начнет закипать, Воронков попросил Настю подождать в своей комнате, заверив её, что на сей раз они с её матерью «собачиться» не станут.

— Совсем от рук отбилась! — сказала Марина, когда Настя скрылась в своей комнате. — А всё ты виноват. Слишком много ей позволяешь.

Воронков хотел сказать, что тут, скорее, сказываются плоды её воспитания, однако промолчал.

— О чем ты хотела поговорить? — спросил он после долгой паузы.

— Я скоро выхожу замуж.

Воронкову показалось, что он ослышался.

— Что-что?

— Я выхожу замуж, — повторила Марина.

— Замуж? — Воронков все никак не мог оправиться от шока. — За кого?

— Он — бизнесмен. Богатый и успешный.

Недосказанное: «Не то, что некоторые» — повисло в воздухе.

Воронков поднял бровь.

— Отлично. Поздравляю.

— Это все, что ты можешь сказать?

— А чего ты ждёшь?

Марина прожгла его взглядом.

— В принципе, ничего другого я и не ожидала! Чурбан бесчувственный!

Воронков лишь усмехнулся. Что бы он ни делал, у неё он всегда оставался бесчувственным чурбаном.

— Надеюсь, с новым мужем тебе повезет больше. Кстати, как его зовут?

— Не твоё дело!

— Этот человек будет воспитывать мою дочь. Поэтому это моё дело. Я бы хотел знать, кто он и чем занимается.

— Об этом мы поговорим в другой раз, — безапелляционно заявила Марина.

Воронков хотел возразить, но в этот момент Настя выско-чила из комнаты, оставляя шлейф недетских духов.

— Ну, пап, пошли уже!

— Ты опять взяла мои духи без спроса! — взвилась Марина.

Настя показала матери язык и, схватив Воронкова за руку, потащила из квартиры. Воронков оглянулся и взглядом сообщил бывшей жене, что этот разговор они закончат позже. Марина в ответ закатила глаза.

— Куда пойдём? — спросил Воронков, когда они с Настей

вышли из подъезда.

— Как куда? Сперва – в кафе, а потом – в «Музыкальную шкатулку»

— Я подумал: вдруг ты захочешь обновить маршрут?

— Ни за что на свете!

— Как насчет аквапарка?

— Да ну, пап, какой аквапарк? Холодно. Пошли в кафе.

И они отправились в кафе.

В этом заведении их так хорошо знали, что сразу принесли привычный набор: капучино, чизкейк и мятное мороженое для Насти и эспрессо и яблочный штрудель – для Воронкова.

Пока Настя увлеченно рассказывала о своих школьных делах, Воронков вспоминал визит в галерею Бориса.

Обилие жутких картин произвело на него неизгладимое впечатление. Он понял, что в глубине Кудрявцева-младшего живо что-то тёмное, чему он давал выход через творчество.

Могло ли это «тёмное» подвигнуть его на убийство? Вполне возможно. У Бориса был чересчур веский мотив ненавидеть своего дядю.

Он настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как дочь, кончив рассказ, принялась дергать его за рукав.

— Пап, что с тобой? — обеспокоенно спросила она, когда он, очнувшись, пробормотал: «Да, милая?»

— Ничего, все в порядке.

— Ты сегодня сам не свой. Это из-за «Потрошителя», да?

— Откуда тебе про него известно? — насторожился Воронков.

Дочь закатила глаза.

— Пап, я уже почти взрослая. И умею пользоваться Интернетом.

— А что, все подростки ищут в Интернете новости про «Потрошителя»?

— Не у всех подростков есть отец, которого подстрелил «Потрошитель», — парировала Настя.

Воронков мысленно выругался. Вот она, цифровая эпоха — никаких тайн. А ведь были времена, когда подростки ждали уроков биологии, чтобы узнать побольше про пестики и тычинки!

— И что ты узнала? — спросил он.

— О, много чего! — Глаза дочери загорелись. — Например, некоторые считают, что вы схватили первого, кто подвернулся вам под руку.

— Пусть тогда объяснят, откуда в загородном доме «первого попавшегося» взялись орудия убийства?

— Тогда почему ты отпустил его?

Воронков помрачнел.

— Я ошибся, Настя. И заплатил за это. Давай не будем об этом сейчас?

— Хорошо, папа, — согласилась Настя.

Она доедала мороженное, а Воронков потягивал кофе, украдкой наблюдая за ней. Он вдруг обнаружил, что его дочь

– почти взрослая. Уже не девочка, а барышня! И когда только выросла! Совсем недавно она у него в ладони помещалась.

Настя подняла на него взгляд.

— Ты чего так смотришь на меня?

— Ничего, — ответил Воронков. — Доела?

— Да.

— Тогда пошли в «Музыкальную шкатулку».

«Музыкальной шкатулкой» назывался небольшой магазинчик, где продавались виниловые пластинки и музыкальные инструменты. Настя в свое время пыталась затащить сюда Марину, но поняла, что это бесполезно. Марина не любила музыку, не разделяла увлечений дочери и не понимала, как можно часами на какие-то пожелтевшие конверты с дисками. А сама, между прочим, готова была ночевать в магазине женского белья!

Одной из достопримечательностей «Музыкальной шкатулки» была гитара, которая, в свое время, принадлежала самому Ван Халену². Во всяком случае, так заявлял хозяин магазина. Он держал гитару за стеклом и никому не разрешал к ней прикасаться. Настя могла вечно смотреть на три вещи: бегущую воду, горящий огонь и гитару одного из своих музыкальных кумиров.

Сегодня в магазине было непривычно тесно. Вдоль полок с музыкальными инструментами прогуливались странные люди в строгих деловых костюмах. В их зрачках свети-

² Эдди Ван Хален – гитарист – виртуоз, основатель рок-группы Van Halen

лись значки доллара.

Оставив дочь созерцать гитару, Воронков подошел к хозяину магазина. Стоя за прилавком, он с презрением смотрел на странных гостей.

— Кто они? — спросил Воронков.

— Оценщики. — Хозяин буквально выплюнул это слово.

— Ищут, чем поживиться.

— Уверен, что найдут.

Хозяин только вздохнул.

— Мне казалось, что это, — он обвел широким жестом свои владения, — как раз то, чего не хватает нашему городу. Но оказалось, что город мог бы и дальше обходиться без всего этого.

— У вас финансовые трудности?

— Я разорен, дружище! Товар на полках — это все, что у меня осталось. А теперь и это у меня хотят отобрать.

— Кто?

— Кредиторы. Когда-то они бегали за мной и умоляли взять их деньги. А теперь нанимают коллекторов, чтобы выбить из меня долги.

— Значит, вы закрываетесь?

— Да, — ответил хозяин, и в голосе его прозвучала невыразимая горечь.

Магазин был его детищем. А теперь он был вынужден отдать его на растерзание кредиторам.

— Жаль, — сказал Воронков. — Нам с дочерью нравилось

бывать у вас.

— Это сразу видно. Посмотрите, какими глазами она смотрит!

Они разом посмотрели на Настю. Вжавшись носом в стекло, она тарасилась на гитару так, словно та гипнотизировала её.

— Если бы и другие люди так смотрели на мой товар, то я бы не оказался у края пропасти, — с сожалением сказал хозяин магазина.

— Так, может, стоит показать товар лицом? — медленно спросил Воронков, которому пришла в голову неожиданная мысль.

— Вы о чём?

— Есть у меня одна идея. Дайте мне пару дней. Я выясню, что можно сделать.

Мысль, которая пришла ему в голову, была неожиданной и невероятной. Он решил поторговаться с продюсерами ток-шоу.

Когда бойкая девушка со слащавым голосом вновь позволила ему, он выдвинул условие: взамен на его участие телеканал должен был снять рекламу для «Музыкальной шкатулки» и пустить её во время эфира.

Телепродюсеры были шокированы.

— Безумие! — возмущались одни. — Тратить эфир на какой-то магазин, который даже не платит?

— Рейтинги всё окупят, — парировали другие. — Сам

Воронков на экране – это сенсация.

Победили вторые. Желание заполучить героя перевесило жадность.

Три дня спустя Воронков оказался в студии. Это был худший опыт в его жизни

Ведущий сразу взял быка за рога: «Если вы были уверены, что арестовали преступника, то почему отпустили?»

Воронков отвечал: амнезия, пуля в голове, не помнит. Ведущий не верил. Кружил, запутывал, под конец спросил напрямую: не потому ли вы так долго отказывались от приглашения, что боялись правды?

Воронков хотел встать и уйти, но договор связывал. Пришлось отбиваться.

А потом, после титров, в эфир пустили ролик.

Двадцать секунд. Настя, затаив дыхание, смотрит на гитару Ван Халена. Потом переводит взгляд на виниловые пластинки – и улыбается.

Режиссёр влюбился в её лицо и не стал искать актрису.

Воронков глядел на дочь на экране и понимал: даже если его выставили идиотом, ради этой улыбки стоило пережить любой позор. Люди придут в магазин. Они увидят то, что видит она. И, может быть, тоже поверят, что музыка стоит того, чтобы в неё влюбляться.

Когда они с Настей в следующий раз пришли в «Музыкальную шкатулку», хозяин рассыпался в благодарностях.

— Вот уж никогда не думал, что получу такую рекламу.

Отныне вы – мои VIP-клиенты, — заявил хозяин

Воронков благодарно кивнул. Была еще одна причина, о которой он не распространялся. Чем больше шума вокруг истории с «Потрошителем», тем выше шанс, что кто-то из свидетелей семилетней давности заговорит.

Глава 7. Мёртвая зона

Спустя несколько дней после эфира Выюгин разбудил Воронкова звонком.

— Проснись и пой, телезвезда! — раздался из трубки его непривычно бодрый голос.

— Чего надо? — проворчал Воронков, протирая глаза.

— Тебя надо. Я заеду за тобой минут через тридцать. Будь готов. У меня потрясающая новость.

И, прежде чем Воронков принялся выпрашивать подробности, Выюгин положил трубку.

Спустя ровно тридцать минут во двор заехала чёрная «Волга». Задняя дверца гостеприимно открылась, и Воронков сел рядом с Выюгиным.

— Ну, выкладывай.

— Похоже, твой звёздный час пошёл нам на пользу, — сказал Выюгин.

— Довольно прикалываться. Говори, в чём дело.

Выюгин в двух словах объяснил, что утром ему позвонил какой-то человек и, представившись, заявил, что у него есть важная информация по делу «Потрошителя».

— По его словам, семь лет назад он работал на стройке в Подмосковье. Они перестраивали заброшенный пансионат в жилой посёлок. В подвале одного из корпусов они обнару-

жили комнату, в которой стоял стол из нержавеющей стали и лужу крови на полу.

— Почему они не сообщили об этом в полицию?

— Он говорит, что поставил в известность хозяина, а тот велел держать рот на замке. Мол, если кто-нибудь из бригады сболтнёт, то всех лишат премии. Вот они и молчали.

— А почему спустя столько лет он заговорил?

— Сказал, что увидел тебя в телевизоре. Ты рассказывал о «Потрошителе», вот он и подумал – а не его ли это рук дело – та кровавая лужа на полу? Ну, и я думаю, его совесть замучила.

— Странно, почему он сделал такой вывод.

— Ничего странного. У парня извилины работают. Знаешь, какой ближайший посёлок к тому объекту, который они строили?

У Воронкова ёкнуло сердце.

— Только не говори, что Озерный.

— Именно, — сказал Вьюгин.

Воронкова охватила нервная дрожь. Неужели они напали на след?

— Мы туда едем?

— А куда же ещё? — хмыкнул Вьюгин. — Тот парень сказал, что будет ждать нас у съезда к посёлку. Хочет нам лично всё показать.

— Я не верю, что нам привалила такая удача.

— Скоро узнаем, — пожал плечами Вьюгин.

Съезд с шоссе был едва заметен – старая грунтовка, заросшая травой. Дальше, за поворотом, угадывались силуэты заброшенных корпусов

Свидетель уже ждал их. Прислонившись к капоту выдавшей виды «Нивы», он смолил сигарету. Это был невысокий крепкий мужчина с кирпично-красным обгоревшим на солнце лицом, большим облупленным носом и зачесанными назад волосами. Внешне он производил впечатление человека степенного и обстоятельного. Воронкову он понравился. Чувствовалось, что он – не охотник за дешёвой славой.

Мужчина представился: Сергей Воробьёв. Воронков и Вьюгин пожали ему руку, посадили на переднее сиденье и повезли в посёлок. Дорога петляла между сосен. Солнце уже поднялось, но здесь, в тени леса, было сыро и зябко. Воронков ёжился на заднем сиденье, вглядываясь в пейзаж за окном.

Заброшенный посёлок походил на декорацию к постапокалиптическому фильму. Вдоль главной улицы в два ряда были выстроены двухэтажные корпуса – изрядно обветшалые, кое-где – начавшие крошиться, роняя на землю ржавые кирпичные слёзы. Вокруг всё заросло борщевиком. Пахло сыростью, гнилью и запустением. Воронков представил этот посёлок ночью и зябко поёжился – пожалуй, даже на кладбище было бы уютнее.

— Это здесь, — сказал Воробьёв, указывая на полуразвалившееся двухэтажное здание – последнее в правом ряду.

Сразу за ним начинался лес.

Воронков и Вьюгин переглянулись. То, что они найдут здесь, могло стать ключом к разгадке тайны.

Они вышли из машины. Воронков направился было к крыльцу, но Воробьев замахал руками.

— Нет-нет, это внизу, в подвале.

Перед дверью, ведущей в подвал, он почему-то остановился.

— Вы чего? — спросил Воронков

— Не знаю. Это место на меня жуть нагоняет. — Воробьев боязливо поежился. — Товарищи полицейские, может, дальше вы сами, а? Не хочу я туда заходить, ей-богу!

Воронков с удивлением посмотрел на свидетеля. Крепкий с виду мужик совсем расклеился. Руки его тряслись, лицо побелело. Он не притворялся. Он и впрямь был напуган.

— Ждите здесь, — решительно произнес Воронков и толкнул дверь.

В нос ударил тяжелый затхлый спертый воздух. Задержав дыхание, он посветил фонариком внутрь.

Помещение было совершенно пустым, если не считать предмет, который он сразу узнал. Это был стол из нержавеющей стали. Такими пользуются патологоанатомы.

Воронков сделал несколько шагов. Внезапная головная боль пронзила его точно вспышка молнии. Выронив фонарик, он ухватился пальцами за виски. Ему казалось, что его мозг вот-вот взорвется – такое давление возникло внутри че-

репной коробки. Он упал на колени. Перед глазами мелькали вспышки воспоминаний. Вот он стоит перед точно таким столом и смотрит на мертвое тело. Затем голову пронзила новая вспышка боли, и все погрузилось во мрак.

— Эй, Семен, очнись! Ты чего, дружище?

Воронков открыл глаза. Он лежал на грязном полу, неловко подогнув правую ногу. Вьюгин стоял, склонившись над ним, и светил ему в лицо фонариком. Где-то на заднем плане маячил Воробьев.

— Я же говорю: проклятое место,— сказал он.

Вьюгин не обратил на его слова никакого внимания. Схватив Воронкова за локоть, он помог ему подняться.

— Ты как? — спросил он.

Воронков кивнул.

— В порядке.

Он слукавил: все было далеко не в порядке. Но причина крылась вовсе не в головной боли, а в том жутком воспоминании, которое выплыло из глубин памяти. Он совершенно ничего не помнил об этом. Воспоминания остались похоронены в той части его мозга, которая была повреждена пулей «Потрошителя». Воронков называл это «мертвой зоной». Время от времени оттуда выплывали некие образы — жуткие, непонятные и от того пугающие, как сейчас. Он никогда не видел этого стола. Или всё-таки видел? «Мёртвая зона» снова подшучивала над ним.

Но ощущение реальности было сильным, как никогда.

— Эй, сюда иди, — окликнул Вьюгин свидетеля. — Давай выведем его на воздух.

— Не надо, я сам, — простонал Воронков, поднимаясь на ноги.

Поддерживаемый Вьюгиным с одной стороны и прорабом — с другой, Воронков вышел на улицу. Свежий воздух подействовал на него ободряюще. Ему сразу сделалось легче.

— Дружище, ты точно в порядке? — спросил Вьюгин с тревогой. — Может, вызвать «Скорую»?

— Не надо. Я в норме.

Вьюгин с сомнением посмотрел на него и покачал головой.

— Ладно, — сказал он. — Постой здесь. Я пока осмотрюсь.

И он скрылся в подвале.

— Будь осторожен! — крикнул ему вслед Воронков.

Пока Вьюгин осматривал гараж, Воронков и Воробьев молча стояли друг напротив друга. Воробьев украдкой смотрел на него, как на дикого зверя. Воронкову сделалось неловко от того, что он упал в обморок.

— Это со мной в первый раз, — сказал он будто оправдываясь.

Воробьев замахал руками.

— Мне и самому не по себе от этого места.

Вьюгин появился минут через пять. Вид у него был оза-

даченный.

— Весь стол покрыт странными бурыми пятнами, похожими на кровь. Выводы делать рано, но вот экспертов вызвать не помешает. Пусть осмотрятся тут.

С этими словами, он отправился звонить по телефону.

Воспользовавшись моментом, Воронков проскользнул в подвал и подошёл к столу. Бурые пятна отчётливо выделялись при свете фонаря. Они и впрямь походили на кровь. Но окончательные выводы можно будет делать только после заключения экспертизы.

Наклонившись, он внимательно осмотрел бетонные плиты, расположенные под столом. Они местами также приобрели бурый оттенок – правда, было непонятно: от крови или от грязи.

— Ты что тут делаешь?— спросил Выюгин, заглядывая в подвал.

Воронков не стал отвечать. Вместо этого, он встал в изголовье стола, опустил ладони на гладкую хромированную поверхность и закрыл глаза.

Он ожидал увидеть нечто этакое, однако ничего не произошло. Он бы подождал еще, но тут подскочил Выюгин и толкнул его в грудь.

— Ты спятил?! — закричал он. — Руками ничего не трогай.

Воронков открыл глаза. Перед ним был стол, покрытый подозрительными бурыми пятнами.

И больше ничего.

— Извини, — пробормотал он. — От этого места у меня ум за разум заходит.

— Не удивительно. Но, кажется, мы нашли то, за чем приехали.

Стоя возле машины, Воронков терпеливо дожидался, когда эксперты закончат работу. Вьюгин крутился в подвале. Время от времени он подходил и сообщал последние новости. Причем с каждым разом лицо его мрачнело.

— Весь пол и этот жуткий стол - в запекшейся крови.

— Значит, там убили не только «Потрошителя»?

Вьюгин покачал головой.

— По словам экспертов, жертв было больше. Никак не меньше пяти. А, может, и десять.

Воронков содрогнулся. Десять человек! Море крови. Похоже, они нашли место, где «Потрошитель» набивал руку перед тем, как приступить к делу.

Когда с делом было покончено, Вьюгин и Воронков сели в машину. От поселка они отъехали в тот момент, когда на проселочную дорогу свернул фургон телевидения.

— Хорошенькую ты мне задачку подсунул, — мрачно сказал Вьюгин. — К утру всё это будет в новостях. Как думаешь, кому генерал поручит разобраться с этим делом?

— Ты разберешься. Нам уже известно многое.

— Ты по-прежнему настаиваешь на версии, что «Потро-

шителя» прикончил Борис?

— С каждым днём я всё меньше в этом сомневаюсь, — ответил Воронков. — Ты сам посуди: в двух километрах от Озёрного обнаруживается место, которое, по количеству пролитой крови, способно дать фору языческому алтарю. Неужели ты думаешь, что это никак не связано с нашим делом?

— Я могу думать, что угодно, — сварливо отозвался Вьюгин, — но мне нужны факты. А их у нас нет.

— Будем надеяться, что экспертам удастся обнаружить ДНК «Потрошителя» в образцах крови, — сказал Воронков. — Если – да, то, считай, дело сделано. Никто не убедит меня в том, что Борис непричастен к убийству.

— А мне интересно, кого ещё мы найдём в том подвале, — задумчиво проговорил Вьюгин.

Глава 8. Наследник

На следующее утро Воронкова вновь разбудил телефонный звонок от Вьюгина.

— Ты теперь будильником работаешь? — проворчал Воронков, прижав трубку к уху.

— У меня потрясающие новости. — Голос бывшего напарника дрожал от волнения. — Когда ты сможешь приехать?

— Через час.

— Жду.

— Эй, погоди. Ты хоть намекни, что нашли? «Потрошитель»?

— Да, но не только, — загадочно ответил Вьюгин и положил трубку.

Стоит ли говорить о том, что Воронков спешил, как на пожар. Не прошло и пятидесяти минут, а он — чисто выбритый, освежённый холодным душем и обжигающим кофе — стоял перед Вьюгиным.

Тот сидел в своём роскошном кресле. Перед ним на столе веером были разложены фотографии. Воронков насчитал десять штук.

— Взгляни, — пригласил он Воронкова. — Узнаешь кого-нибудь из этих ребят?

Воронков посмотрел на снимки. С них на него смотрели мужчины возрастом от 35 до 50 лет, очень похожие друг на друга. Воронков долго не мог определить, чем выражено их сходство. На первый взгляд, у них не было ничего общего. Но стоило присмотреться, как становилось понятно, что дело в глазах. У всех было одинаковое выражение глаз: трусливое, запуганное, но жестокое.

Девять из десяти были Воронкову незнакомы. А вот десятого он узнал. Это был Игнат Кудрявцев, он же «Потрошитель».

— Кто эти люди?

Вьюгин уставился на него.

— Ты правда никого не узнаешь?

— Только Кудрявцева.

— А остальные?

— Их я вижу впервые. Слушай, что это за игра в «угадайку»? Ты ведь знаешь: даже если я встречал их в прошлом, при моей амнезии я не смогу их вспомнить.

— Ну да, похоже на то, — кивнул Вьюгин. — Теперь я в этом убедился.

— Так кто эти люди?

— Это – наши с тобой клиенты.

Воронкова почему-то пробрала дрожь.

— Хочешь сказать...

— Эти люди, — Вьюгин провел рукой над фотографиями,

— должны были сидеть в тюрьме, но вышли на свободу. Суд

признал их невиновными.

— Это мы с тобой недоглядели или произошла ошибка?

— Я всё утро пересматривал дела. Никакой ошибки. Все они – убийцы или насильники. Или – и то, и другое. Например, этот тип, — он ткнул пальцем в фотографию грузного темноволосого мужчины с темным обветренным лицом и тяжелым взглядом, — изнасиловал падчерицу, а затем убил, чтобы матери не рассказала. Суд его отпустил на том основании, что следствие не смогло предоставить прямых улик, хотя косвенных было хоть отбавляй. А вот этот милашка, — он постучал ногтем по снимку немолодого мужчины с длинными светлыми волосами и пронзительными голубыми глазами, — организовал схему по отъему квартир. Его отпустили потому, что он, дескать, мог не знать, чем занимались его сотрудники. А он не только все знал, но и лично устранял несогласных. И так – все здесь присутствующие. Они должны были сесть на экспресс до «Полярной совы»³, но, в итоге, были оправданы нашим самым справедливым и гуманным судом в мире. Ты рвал и метал после того, как очередного подонка выпускали из клетки.

— Ничего не помню, — покачал головой Воронков.

— Считай, тебе повезло. А я смотрю на их рожи, вспоминаю – и меня начинает мутить. Ну, да не это главное. Дело в том, что все они – пропали без вести вскоре после того, как суд их отпустил.

³ Исправительная колония особого режима для пожизненно осужденных

Воронков, замерев, уставился на Вьюгина.

— Хочешь сказать, что они... просто растворились в воздухе?

— Долгое время мы так и думали. Но после экспертизы стало понятно, что они все эти годы пролежали в земле. Кто-то убивал их и прятал трупы. А, учитывая то, какая судьба постигла «Потрошителя», думаю, нам стоит поискать их на кладбище.

— Погоди... кто-то повадился убивать отморожков, которым повезло избежать наказания?

— Да.

— Ты полагаешь, это он убил «Потрошителя»?

— А какие ещё варианты?

— То есть, ты предлагаешь вычеркнуть Бориса из списка подозреваемых?

— Я ничего не предлагаю. Но ты подумай. Первый фигурант, — Вьюгин постучал пальцем по фотографии, — исчез за три года до появления «Потрошителя». Борису было четырнадцать. Ты полагаешь, четырнадцатилетний юноша мог приложить руку к похищениям и убийствам отпетых головорезов?

Воронков сжал пальцами виски. Ему нужно было сосредоточиться.

— Погоди, не все так просто, — сказал он после долгой паузы. — Мы с тобой уже решили, что Борис не смог бы справиться с «Потрошителем» в одиночку. У него был со-

общник. Может, это и был наш мститель?

Вьюгин поморщился.

— Ты слишком всё усложняешь? Почему ты не хочешь признать, что Борис не имел отношения к этому делу?

— Потому, что это не правда! — резко ответил Воронков. — Без него тут точно не обошлось. Или он сам был мстителем, или — состоял с ним в сговоре. Но в том, что именно он вонзил нож в «Потрошителя», я ни на секунду не сомневаюсь.

Вьюгин развёл руками, как бы вопрошая: «Ну, что мне делать с этим упрямцем?»

— Поезжай домой, — посоветовал он. — Тебе пора заняться бизнесом. Сейчас самый подходящий момент. Твоё имя у всех на слуху.

— Думаешь, я смогу вернуться к розыску сбежавших кошек после всего того, что было?

— Думаю, сможешь, — твёрдо ответил Вьюгин.

Кипя от праведного гнева, Воронков гнал свою иномарку вдоль бескрайних лесов и полей, навстречу месту, где семь лет назад произошла трагедия. Его душила обида. Он, можно сказать, раскрутил дело, преподнёс его Вьюгину на блюде с золотой каемочкой, а тот имел наглость заявить, что он ни на что большее не годен, как разыскивать пропавших кошек. Воронков испытывал острое желание доказать, что это не так.

Вскоре он выехал на пригорок, с которого открывался панорамный вид на поселок Озерный. Ряды черепичных крыш тонули в зелени, а у самой кромки озера – там, где зелёные цвета поглощались небесно-голубым – возвышался массивный особняк, некогда принадлежавший Кудрявцеву-старшему. Воронков рассмотрел причал (с того места, где он стоял, причал был размером со спичечный коробок) и длинный лодочный сарай. Вдоль огромной территории, засаженной густой зеленой растительностью, стоял высокий забор. Дополнительной защитой служил овраг, заполненный топкой грязью. С этой стороны к дому приделали несколько бойниц, превратив особняк в подобие средневековой крепости.

Воронков достал из бардачка маленький театральный бинокль и поднёс к глазам. Дом сразу сделался как на ладони. Он был довольно ухоженным. Да и территория, разбитая на зеленые зоны, отнюдь не выглядела заброшенной. В огромных окнах пламенел закат. Широкая подъездная аллея была чисто убрана. Из гаража торчал нос «Мерседеса».

Неужели кто-то купил этот дом? Сам Воронков ни по чём бы не стал здесь жить. Ну да он знал о печальной участи прежних хозяев. Вполне вероятно, что новый владелец соблазнился ценой и не стал вдаваться в подробности о том, почему роскошный особняк продают за копейки.

Воронков сел на капот, не сводя вооруженных биноклем глаз с особняка. Ему было интересно взглянуть на смельчака, не побоявшегося дома с привидениями. Но когда он уви-

дел его, то не смог поверить своим глазам.

Из гаража вышел Борис Кудрявцев. На нём был лёгкий льняной костюм и светло-зеленая шелковая рубашка. Легко взбежав по ступеням крыльца, он скрылся за массивной дубовой дверью.

Воронков потряс головой. Ему показалось, или это в самом деле был Борис? Неужели он так и не продал особняк после того, что случилось? Возможно, просто не смог найти покупателя.

С большим интересом Воронков продолжил следить за домом. Вскоре он заметил промельк в окнах четвертого этажа. Настроив резкость в бинокле, он увидел Бориса. Он стоял перед панорамным окном с видом на озеро. На нём была простая белая футболка и шорты.

Не похоже, чтобы он приехал проведать отчий дом. Больше походило, что он живёт здесь.

В доме, где семь лет назад его родной дядя учинил зверскую расправу над его родителями!

Воронков вспомнил жуткие картины в галерее. Что ни говори, а у Бориса явно не все дома. Теперь он окончательно в этом убедился.

По пути в Москву он позвонил Выугину.

— Я только что был в Озерном,— сообщил он.— Знаешь, кто живёт в усадьбе?

— Понятия не имею. Тень отца Гамлета?

— Борис Кудрявцев.

— Ты серьезно?!— воскликнул Вьюгин.

— Конечно, серьезно! Я своими глазами видел его там.

— Так, может, он не живет, а так – наведывается время от времени?

— Сомневаюсь. Вряд ли он приехал туда на своём «Мерседесе» только ради того, чтобы полюбоваться видом из окна.

— Ну, в конце концов, это его дом. Погоди минуту, запрошу справку из ЕГРН⁴... Ага, вот. За Борисом Кудрявцевым числятся две квартиры: в Москве и Петербурге общей площадью 150 квадратных метров, а также дом в поселке Озерный. Он оставил его за собой. Судя по всему, дом даже не выставляли на продажу. Странно.

— Не то слово.

— Скорее всего, он просто привязался к усадьбе. В ней он провёл детство.

— Ага. И потерял родителей.

— Это не доказывает, что он убийца.

— Разумеется. Но это доказывает, что у него мозги набекрень. А от такого человека всего можно ждать.

— Это у тебя мозги набекрень от Бориса, — высказался Вьюгин. — Оставь его в покое. Займись своими делами.

— Непременно займусь, — бросил Воронков, — как только выясню, скольких человек этот сукин сын прикончил!

⁴ Единый государственный центр недвижимости

И, не слушая возражений Вьюгина, нажал на отбой.

Желая побольше узнать о прошлом Бориса Кудрявцева, Воронков наведился к его старому приятелю Игорю Попову.

— Правда, что вы стажировались в фирме Кудрявцева-старшего?

— Было дело, — подтвердил Игорь. — Чтобы получить нормальную работу, требовался опыт, и Борис договорился с дядей, чтобы меня приняли.

— С дядей? А почему не с отцом?

— С отцом они не ладили.

— Почему?

— Ну, причин было много. Перво-наперво расходились их взгляды на будущее Бориса. Отец хотел, чтобы он возглавил бизнес, а сам Борис мечтал стать художником.

— Могу себе представить, что его отец «обрадовался», услышав эту новость! — усмехнулся Воронков.

— Да, он был просто в ярости! — буркнул Игорь. — После этого они почти друг с другом не разговаривали. Кажется, его отец решил, что сын — идиот и нечего тратить на него время.

— А как к этому отнеслась мать? — спросил Воронков.

— Она всегда принимала сторону отца. Даже если тот был не прав. «Да убоится жена мужа своего».

— Это из Библии?

— Не знаю, наверное. Она была религиозная и все время

повторяла, что сын должен слушаться отца и ни в чем ему не перечить.

— Если отец считал Бориса идиотом, то почему он хотел оставить ему бизнес?

— А кто сказал, что хотел? После того, как они разругались, он передумал.

Воронков ощутил охотничий азарт.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно. Он сказал, что раз Борис решил идти своей дорогой, то он от него ни шиша не получит и будет отрабатывать свой хлеб, подрабатывая после занятий курьером.

— Могу себе представить, как Борис разозлился!

— Да, он был вне себя. Орал, что лучше помрёт с голоду, чем будет работать на отца. Однако затем, как миленький, отправился курьерствовать.

— А его папаша был крутой мужик!

— Не то слово. Как он с Борей обращался – это, конечно, кошмар, но в остальном им можно было только восхищаться. Ведь он сам поднял бизнес, построил целую империю и безраздельно ею властвовал.

— Однако наследник обманул его ожидания.

— Ну, я думаю, они бы в конце концов нашли общий язык. Все же родная кровь – не вода. В последние месяцы перед смертью он не так часто с Борей ругался. По-моему, всего раз, да и то по пустяковому поводу.

— Что за повод?

— Да так, ерунда.

— Вы все же расскажите, мне интересно, — потребовал Воронков.

Игорь подозрительно посмотрел на него.

— Вы что, под Бориса «копаете»?

Воронков отложил блокнот.

— Вы слышали о том, что недавно нашли труп его дяди Игната?

— «Потрошителя»? Конечно, слышал. Кто его так?

— Не знаю, но хочу выяснить. Вот и собираю информацию, где только можно. Так из-за чего старший с младшим поругались?

— Можно сказать, из-за пустяка. У них садовник работал. Старший Кудрявцев что-то о нём узнал и решил выгнать, а младший – заступился.

— Что же он мог такого узнать?

— Понятия не имею. Я спрашивал, но Борис так и не сказал. Но сцепились они с отцом знатно. Я очень удивился.

— Вы не ожидали, что Борис вступится за садовника?

— Конечно, нет. Кудрявцев-старший постоянно кого-то увольнял. На моей памяти у него три шофера сменилось. Бориса это несколько не волновало, а тут он вдруг решил вступить.

— Может, они с садовником были друзьями?

— Не знаю, всё может быть. Но я ни разу не слышал, чтобы он о нём упоминал.

— Значит, у вас нет объяснений, почему Борис так бурно отреагировал?

Игорь покачал головой.

— Ни малейшего. Я только знаю, что, после гибели отца, Борис снова взял его на работу.

Воронков сделал пометку в блокноте.

— Не помните, как звали садовника?

— Не-а. Столько лет прошло.

— Ну, хорошо. А как вы охарактеризуете Бориса в качестве курьера? — Воронков вернул разговор в прежнее русло.

— Он был ответственным работником?

— Я бы так не сказал.

— А как бы вы сказали?

— Я бы сказал, что он не столько работал, сколько саботировал работу, — резко ответил Игорь, и Воронков вдруг понял, что этот молодой человек затаил обиду на своего, в прошлом, друга. — Два главных качества курьера – вежливость и пунктуальность. Борис не отличался ни тем, ни другим. Куда бы его ни посылали, он постоянно опаздывал, а, в ответ на претензии, грубил клиентам. Но с него все, как с гуся вода. Страдали другие.

— Как же его строгий отец допустил такое? Почему не поставил сына на место?

— Он ничего не знал.

— Как так?

— В фирме его покрывали.

— А клиенты не жаловались?

— Ещё как жаловались. Но все жалобы проходили через отдел по работе с клиентами, которыми руководил дядя Бориса Игнат. Он делал всё, чтобы его отец ни о чём не узнал.

— Он один или другие сотрудники фирмы тоже в этом участвовали?

— Нет. Игнат Георгиевич лично улаживал конфликты с клиентами, с которыми Борис повздорил. Золотой был мужик. Даже не верится, что он...

Воронков постучал пальцами по столешнице. В самом деле, образ добряка, радеющего за племянника, очень плохо подходил жестокому убийце. Но он, как никто другой, знал, насколько хорошо маньяки маскируются под приличных людей.

— Значит, Бориса покрывал его дядя. А вы не вспомните фамилии клиентов, с которыми он конфликтовал?

— Конечно, нет. Столько лет прошло. Да и фамилий было слишком много. Он ругался буквально со всеми.

Воронков минуту подумал и задал следующий вопрос:

— Скажите, когда вы работали, фирма вела учёт клиентов?

— Конечно. — Игорь, казалось, удивился наивности вопроса. — Это же её хлеб. Вся информация о клиентах заносилась в общую базу данных.

— А когда фирма перешла к новому владельцу, базу данных уничтожили?

— Нет, не думаю. Поймите, база клиентов – это чуть ли не главный актив компании. Никто бы не стал платить большие деньги за курьеров, склады и самокаты. Без готовой базы клиентов всё это – просто рухлядь.

— То есть, — медленно произнёс Воронков, — если я получу доступ к базе данных, то узнаю фамилии клиентов, с которыми конфликтовал Борис?

— Нет. Такие сведения в базу вносил менеджер по работе с клиентами, а ему было запрещено это делать. Но вы можете посмотреть, кому он доставлял заказы. Можете быть уверены на сто процентов: у них были к нему претензии.

Поблагодарив Игоря за информацию, Воронков ушёл.

Едва за ним закрылась дверь, как Игорь набрал номер Бориса Кудрявцева и рассказал о том, что к нему приходил следователь.

— Что ему нужно? — без всякого интереса в голосе спросил Борис.

Игорь старательно пересказал весь разговор с Воронковым. В трубке повисло молчание. А когда Борис заговорил вновь, голос его звучал взволнованно.

— Если этот сыщик снова заявится к тебе, ты сообщи мне как-нибудь, ладно?

— Ладно, — согласился Игорь. — А чего он под тебя копает?

— Да заняться ему нечем, вот и копает. Как, кстати, его фамилия?

— Я точно не помню. Сорокин, Грачев... что-то птичье.

— Может быть, Воронков?

— Да, точно, — обрадовался Игорь, — Воронков. Ты его знаешь?

Но Борис уже повесил трубку.

Компания, основанная Кудрявцевым-старшим, была куплена конгломератом и продолжила свою деятельность под новым названием. Судя по тому, что офис располагался не в Кунцево, а в одной из сверкающих башен Москва-сити, дела шли неплохо.

С помощью просроченного удостоверения Воронкову удалось пробиться к системному администратору, ответственному за сохранность базы данных. Им оказался невысокий полноватый мужчина, одетый как подросток, с развязными манерами.

— Если я вас правильно понял, — сказал он, дыша Воронкову в лицо вейпом, — то вам нужно выяснить: не сохранилась ли в базе данных информация о перемещениях курьера?

— Именно.

— Думаю, что сохранилась, — сказал системный администратор и принялся щёлкать мышкой. — Как, вы говорите, его фамилия?

— Борис Кудрявцев.

Воронков ожидал, что сисадмин сделает стойку, услышав

фамилию предыдущего владельца фирмы, но он и ухом не повёл. По-видимому, он не знал, кто такой Борис Кудрявцев.

— Вот, видите, — сказал он, вбивая имя-фамилию в строку поиска, — сейчас программа всё сделает за нас. Ага, — кивнул он после короткой паузы, — действительно, работал такой. Борис Кудрявцев. Просто образцовый курьер. Ни одной жалобы. У нас это редкость.

Игорь говорил правду: очевидно, дядя потворствовал племяннику, помогая ему избежать конфликта с отцом.

Вдруг ему в голову пришла идея. Чем чёрт не шутит?

— Вы не могли бы проверить: доставлял ли этот молодой человек заказы по двум адресам. — И он продиктовал адреса стариков – первых жертв «Потрошителя».

Сисадмин застучал пальцами по клавиатуре.

— Нет, по этим адресам заказы не доставлялись.

— Как? Вообще?

— Можете сами взглянуть.

Воронков всмотрелся в монитор. Поисковый запрос не дал результатов.

Это было очень странно. Семь лет назад он сам проверял базу данных. У него имелась выписка из неё. И там черным по белому было сказано, что фирма осуществляла доставку товаров по тем двум адресам, что были забиты в строку поиска.

А теперь эта информация исчезла. И, наверняка, неспроста.

Воронков почувствовал себя гончей, напавшей на след.

— Скажите, кто мог удалить информацию из базы данных?

— Никто не мог. Ну, кроме меня. Но я этого не делал, — добавил он, явно испугавшись, что все шишки полетят в его сторону.

— Вы давно тут работаете?

— Три года.

— А кто был до вас?

— Мишка Скрябин. Только его давно уволили за пьянство.

— Контакты его остались?

— У меня нет, но вы можете спросить в отделе кадров.

Узнав адрес забулдыги, Воронков отправился к нему, не особо, впрочем, надеясь на успех. Однако ему повезло. Бывший системный администратор по-прежнему жил по прописке. Точнее, спивался – быстро и неумолимо.

Жена бывшего сисадмина рассказала, что её муж ушел в запой около двух недель назад и с тех пор «не просыхает». Воронков отметил про себя, что запой начался на следующий день после того, когда нашли труп Игната Кудрявцева.

На диване в гостиной храпел крепкий толстый мужик. Лучшее всего мужика характеризовало слово «проспиртованный». Такой он и был – проспиртованный, словно вишня в спирте.

— Ты кто? — спросил он, уставившись на незваного го-

стя.

Воронков сунул ему под нос свое удостоверение. Пьянчуга жутко перепугался.

— Я что, — прошептал он, — ничего! Я вообще в запое!

— Красавец! — одобрил Воронков. — А теперь напряги память и вспомни: зачем ты отредактировал базу данных на прошлой работе.

— Что я сделал?

— Большую глупость ты сделал, Миша, очень большую, — пояснил Воронков. — Хочешь в тюрьму на пять лет?

— За что?!

— За уничтожение улики.

Пьянчуга заморгал:

— Не понимаю, о чём вы.

— Позволь напомню, — услужливо сказал Воронков. — Примерно семь лет назад к тебе обратился Борис Кудрявцев с просьбой удалить кое-какую информацию из базы данных. Было такое?

— Не помню.

— Ладно, Миша. Собирайся.

— Куда?

— Туда, где тебе помогут освежить память.

— Эй, погоди, не надо...

— Ещё как надо. Давай, вставай. Не пойдёшь сам – вызову наряд.

— Не надо так...

— Ну, так вспоминай. Живо.

— Сейчас-сейчас...

Миша обхватил голову руками и принялся раскачиваться. Воронков внимательно наблюдал за ним. Спустя несколько минут глаза его вспыхнули.

— Было такое, — сказал он.

— Как всё было? — спросил Воронков.

— Да, в общем, почти так, как вы рассказали. Борис подошел ко мне и попросил об одолжении. Он был наследником компании, поэтому я не посмел ему отказать. Пока вы не явились, никто об этом не вспоминал. Я думал: всё забыто уже...

— Миш, а тебе в детстве не говорили, что все тайное становится явным? — спросил Воронков.

Пьянчуга низко опустил голову. Хотелось надеяться, что он и впрямь раскаивается в своем поступке, но верилось с трудом. Скорее всего, он пытался изобразить раскаяние, чтобы избежать наказания.

Воронков похлопал его по плечу.

— Ладно, успокойся. Главное, что ты всё вспомнил.

Пьянчуга поднял глаза.

— И что теперь со мной будет? — спросил он хныкающим голосом.

— Да ничего не будет. Ты, главное, не пей больше.

— Я постараюсь.

— Сделай милость, — хмыкнул Воронков. — А то если

ТЫ «КОНИ ДВИНЕШЬ», ТО МНЕ НЕКОГО БУДЕТ ВЫЗВАТЬ В СУД.

Глава 9. Красавица и чудовище

Воронков ворвался в кабинет Вьюгина с таким решительным видом, что тот невольно отпрянул.

— Ты чего?

— Вспоминай, — потребовал Воронков, — что я делал в тот день, когда меня подстрелили?

— Семь лет назад?

— Да. Чем я занимался?

Вьюгин глубоко задумался.

— Насколько помню, я в тот день ушёл пораньше, а ты остался штудировать материалы дела по «Потрошителю».

— А затем – выпустил его из СИЗО?

— Да. Постой, — насторожился Вьюгин, — ты думаешь, что...

— Вели срочно принести материалы дела.

Когда три объемные папки доставили из архива, они разложили их на столе и принялись штудировать. Однако, как бы придирчиво они ни изучали протоколы следственных действий, вещественные доказательства, заключения и показания экспертов, ничего нового им обнаружить не удалось.

— Зачем мы вообще это делаем? — осведомился Вьюгин.

— Неужели ты сомневаешься в том, что Игнат Кудрявцев – «Потрошитель»?

— Ты, когда прощался со мной в тот вечер, сомневался, что я в своём уме? — вопросом на вопрос ответил Воронков.

— Что?

— Я спрашиваю: тебе в тот день не показалось, что я спятил? — повторил Воронков.

Вьюгин задумался.

— Да вроде нет. Ты был такой, какой всегда. Ну, может, малость раздражительный...

— Тогда почему я отпустил Игната?

Вопрос повис в воздухе. Вьюгин принялся перебирать документы: базы, выписки счетов, копия завещания...

— Стоп! — сказал Воронков. — Что это у тебя?

— Копия завещания.

— О чём в нём говорится?

Вьюгин поднёс документ к глазам.

— Кудрявцев-старший завещает свою компанию и все активы своему брату – Игнату Кудрявцеву. Борису Кудрявцеву, своему сыну, он оставляет усадьбу, городскую квартиру и пятипроцентную долю в компании. — Он помахал бумажкой в воздухе. — Ничего нового. Завещание должно было стать краеугольным камнем обвинения. У Игната был мотив.

— А знаешь, у кого ещё был мотив?

Вьюгин закатил глаза.

— Знаю. У Бориса Кудрявцева. Ты думаешь, он бы убил отца ради доли в пять процентов? По предыдущему завещанию он получал всё.

— По итогу, он и получил всё. Его дядю лишили наследства. Почему?

— Потому, что убийца не может наследовать имущество жертвы, — процитировал Вьюгин.

— Вот именно.

Вьюгин покачал головой.

— Ты пытаешься подогнать факты под домыслы. Я не куплюсь на это.

— Не спеши с выводами. Я тебе сейчас расскажу, что я выяснил, и ты всё поймёшь.

Он рассказал обо всём, что узнал – от Игоря, сисадмина и пьянчуги Михаила. Вьюгин был впечатлён, однако не настолько, чтобы согласиться.

— Всё это весьма подозрительно, — сказал он, — однако не отменяет того факта, что у тебя по-прежнему нет доказательств. Знаешь, мне кажется, у тебя «пунктик» насчёт Бориса. Ты хочешь любой ценой приплести его к этому делу.

Воронков сжал пальцами переносицу.

— Послушай меня, хотя бы раз. И попробуй услышать. У Бориса был мотив. Возможность. Он стирал следы. Зачем было удалять информацию из базы данных, если ему нечего скрывать?

— А с чего ты взял, что информация была удалена? Со слов запойного пьяницы?

Воронков наклонился, схватил со стола распечатку базы данных и сунул её под нос Вьюгину.

— Вот смотри. Здесь указано, что первые две жертвы были клиентами фирмы. Теперь запись об этом исчезла. Борис стёр её, чтобы мы не смогли до него докопаться.

— Это твоя версия, — спокойно ответил Вьюгин. — А у меня — другая. Игнат узнал, что по новому завещанию он унаследует фирму и решил не ждать. Он втёрся в доверие к старикам и убил их для того, чтобы отвести от себя подозрения. Ведь если бы он начал с Кудрявцева и его жены, то подозрения, в первую очередь, упали бы на него. А так он мог спрятать одно убийство среди других. Совсем как у Агаты Кристи в «Убийстве по алфавиту». Помнишь эту историю? Там за образом маньяка скрывался расчетливый убийца, пытавшийся замаскировать одно-единственное преступление.

— Знаешь, в чём один из немногих плюсов амнезии? — спросил Воронков. — Ты можешь перечитать все классические детективы, потому что не помнишь развязку.

— Я веду к тому, что Игнат Кудрявцев действовал по той же схеме. Он убивал стариков, чтобы замаскировать убийство Кудрявцевых. И, кстати, взгляни на это.

Вьюгин отыскал в материалах дела фотографию и ткнул в неё пальцем.

— Вот, что мы нашли в квартире Игната.

Воронков взглянул на снимок. На нём была изображена тонкая книжка в желтой обложке.

— «Убийства по алфавиту», — прочитал Воронков название и взглянул на Вьюгина. — Это и есть та улика, из-за ко-

торой мы чуть было не упрятали за решётку невинного?

— Ну, хватит! — решительно произнёс Вьюгин. — Мне надоело это слушать. У тебя свой взгляд на это дело, а у меня — свой. Но так уж вышло, что только я — действующий сотрудник полиции. А ты — частный детектив. Давай ты будешь заниматься своим делом, а я — своим. Идёт?

Воронков с удивлением смотрел на бывшего напарника. Надо же, как он заговорил!

— Ты забыл, что считал меня когда-то своим учителем, — напомнил Воронков.

— Я за это тебе руки должен целовать? — вскинулся Вьюгин.

— Нет. Просто не забывай, что я тоже кое-что умею.

— Я учту это.

— Вот-вот, — сказал Воронков, ткнув в него пальцем. — Учти. И не забывай, что именно я раскрутил это дело. Если бы не я, вы бы до сих пор искали «Потрошителя» в сибирской глуши.

— Ты нашёл труп случайно. Хвастаться нечем.

— Я не хвастаюсь. Но раз уж мне суждено заниматься этим делом, то я доведу его до конца.

С этими словами, Воронков повернулся и вышел за дверь. Вьюгин не попытался его остановить.

Спускаясь по широкой лестнице, Воронков чувствовал, что его душит злость.

«Занимайся своим ремеслом». Эти слова долго вертелись в голове Воронкова. В самом деле, зачем он занимается «Потрошителем», когда его ждут клиенты, готовые платить – протяни руку и возьми их деньги.

После того, как его показали в ток-шоу, он стал знаменитостью. Каждый день ему обрывали телефон потенциальные клиенты. Но он не брал трубку. Просто не хотел отвлекаться на их маленькие проблемы тогда, когда его ждало такое интересное дело, как поиски убийцы «Потрошителя».

Однако теперь он задумался над тем, чтобы, время от времени, раз уж полиции не нужна его помощь, зарабатывать хоть какие-то деньги.

Он понимал, что один не справится. Ему нужен был помощник. Он дал объявление в интернете, и на него обрушился новый шквал звонков – на сей раз, от желающих учиться у него сыщицкому мастерству.

Но все эти люди ему не подходили. Они были: искателями приключений, охотниками за дешёвой славой, блогерами, стремящимися сделать контент – кем угодно, но не помощниками.

А тут ещё Алёна обрывала телефон. Она меняла сим-карты, и, сколько бы он ни блокировал номера, ей всякий раз удавалось до него дозвониться. Она плакала в трубку, обещала покончить с собой, если он немедленно не явится на зов, обвиняла его в том, что он сломал ей жизнь – короче говоря, прилагала усилия, чтобы испортить его собственную

жизнь. К счастью для Воронкова, он быстро её разгадал: она просыпалась не раньше одиннадцати, поэтому звонки от неё начинали поступать с половины двенадцатого вплоть до пяти вечера. После этого она утыкалась в телевизор, где показывали очередное ток-шоу, и забывала обо всем на свете.

Именно из-за таких клиентов Воронкову не хотелось заниматься частным сыском. Она служила олицетворением всего, что было ему неприятно в людях. Сперва она накручивала себя до тех пор, пока не затеяла проверку. А затем, когда Воронков хорошо сделал своё дело, поставила это ему в упрёк.

Воронков думал, что если бы он отнёсся к делу правильно – раскрутил женщину на деньги, не сделав никакой работы – то всем от этого было бы лучше.

Воронков решил, что для работы с такими заказчицами, как Алёна, ему нужен человек способный, лишенный амбиций, но циничный. Такой, каким был бы он, отсутствуй у него совесть.

Но где найти такого уникама.

Однако, кто ищет, тот всегда найдёт.

Спустя три дня после размолвки с Вьюгиным, раздался телефонный звонок.

— Алло.

— Это вы Семен Воронков, — донесся из трубки приятный женский голос.

Воронков подтвердил, что он и есть Семен Воронков.

— Я звоню по объявлению, — сказала девушка.

— Если вы хотите, чтобы я на вас работал...

— О, нет, вы не поняли, — затараторила девушка, — это я хочу на вас поработать.

— А, вы по этому объявлению... — Воронков едва скрыл охватившее его разочарование. — Я вас слушаю.

— Вам всё ещё нужна помощница?

— На самом деле, я ищу помощника. В объявлении об этом написано.

— Я заметила. Но почему именно мужчину? Вы не доверяете женщинам?

— Нет, просто для моей работы нужен мужчина. Всего хорошего...

Он собирался положить трубку, но девушка закричала:

— Только не кладите трубку. Хорошо, раз вы не хотите нанимать меня на работу, то, может, я могу нанять вас?

Воронков провёл рукой по волосам. На сегодня у него не было никаких дел, а у девушки такой приятный голос. Почему бы не помочь ей, если она в этом нуждается?

— Чем я могу вам помочь?

— Вы в детстве читали книжки про рыцарей, спасающих красавиц из плена?

— Что? Вы о чём?

— Я спросила: знакомы ли вам детские сказки?

— Ну, конечно, знакомы. А в чём дело?

— Вы не могли бы выручить красавицу из плена?

Воронков ощутил неприятное чувство, будто над ним потешаются.

— Слушайте, если это розыгрыш...

— Это не розыгрыш, — заверила его девушка. — Я попала в беду, и мне нужна ваша помощь.

«Странная, непосредственная, с хорошим чувством юмора, — подумал Воронков. — И симпатичная. Только очень симпатичная девушка может быть настолько самоуверенной, чтобы болтать подобные глупости, но при этом рассчитывать на серьезное к себе отношения».

— Что произошло? — спросил он.

— О, так вы поможете?

— Я попытаюсь.

— Дело в том, что меня запер дома парень. Он сказал, что вернется и убьёт меня. Знаю, — сказала она, — вы думаете, это пустая угроза. Но нет. Он это сделает. Жаль вы не слышали, каким тоном он это сказал. Если бы слышали, то точно не сомневались.

— Вы не пробовали обратиться в полицию?

— Это исключено.

— У вас проблемы с законом?

— Нет, но мне бы не хотелось связываться с полицией.

Воронков взглянул на часы. Если он выдвинется прямо сейчас, то успеет вернуться домой к обеду.

— Хорошо, — сказал он, — диктуйте адрес.

Девушка жила в пяти минутах езды, поэтому вскоре Воронков стоял у её дома.

— Я на месте, — сказал он, перезвонив ей.

— Я вас вижу.

Воронков задрал голову. Из окна пятого этажа выглянула девушка и помахала ему рукой.

Он планировал эвакуировать её через окно, но пятый этаж был слишком высоко. Придется воспользоваться дверью.

Узнав у девушки код от домофона, он вошёл в подъезд и поднялся на пятый этаж. Убедившись, что никто не смотрит, он достал из кармана связку отмычек, подобрал нужную и в два счёта вскрыл замок.

Девушка бросилась ему на шею.

— Вы спасли меня!

Она и впрямь была красивая, но совсем не такая, какой он её себе представлял. У неё были длинные золотистые волосы и серо-зеленые глаза. Овальное лицо обладало теми аристократическими чертами, которые любили изображать художники эпохи Возрождения: высокие скулы, прямой тонкий нос, бледные губы. Такая девушка могла бы сниматься в кино или позировать художникам, но не зависеть от парня-абыюзера.

— Почему вы застыли? — спросила она.

Воронков сообразил, что целую минуту таращится на неё.

— Вы успели собрать вещи?

— Да. Вот они. — Девушка указала на небольшой чемо-

дан и сумочку-клатч.

— В таком случае, уходим отсюда. Не трогайте, я сам.

Воронков легко поднял чемодан, и они с девушкой покинули квартиру.

— Я свободна! — воскликнула девушка, когда они вышли на улицу.

Однако, как тут же выяснилось, расслабляться было рано. Из-за поворота возник мощный «Гелик». Взвизгнув тормозами, он остановился аккуратно напротив подъезда.

Девушка тихо охнула. Воронков догадался, что вскрытием замка помощь ей не ограничится.

Из джипа выпрыгнул здоровенный детина под два метра ростом. Узнав девушку, он изумленно вытаращился и шагнул к ней.

— Куда собралась? Живо домой!

— Сам иди домой! — в тон ему ответил Воронков.

Громила посмотрел на него удивленно.

— А ты кто такой?

— Сейчас узнаешь.

Громила замахнулся, чтобы ударить его, однако Воронков был готов. Слегка наклонив голову, он пропустил кулак рядом со своей головой, а сам ответил могучим апперкотом. Здоровяк покачнулся, но устоял на ногах.

— Урод! — пропыхтел он и попытался схватить Воронкова своими сильными руками.

Однако Воронков шагнул в сторону и нанёс короткий удар

стопой в его коленную чашечку. Громила рухнул на асфальт, воя от боли и держась рукой за колено.

Воронков поднял чемодан, перешагнул через поверженного противника и направился к девушке. Она смотрела на него с восторгом.

— Где вы научились так драться?

— Работа у меня такая, — ответил Воронков. — Поехали отсюда.

Они сели в машину, и он завёл двигатель. Девушка в зеркало заднего вида смотрела на распростертого на асфальте громилу до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Девушка взирала на него с благоговейным восторгом. Воронкову это было приятно. И хотя, сидя за рулём, отвлекаться не следовало, время от времени он бросал на неё взгляд и улыбался.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Маша.

— Куда тебя везти, Маша?

Девушка пожала плечами.

— Понятия не имею. Домой мне нельзя. Стас меня убьёт.

— У тебя есть своя квартира?

— Шутите? — рассмеялась она. — Откуда?

— А где ты живешь?

— Последние три недели – у Стаса. А до этого – снимала квартиру с девчонками.

— Ты не москвичка?

— Нет, я из Воркуты.

— Давай я отвезу тебя к твоим девчонкам.

— Так меня там и ждут!— фыркнула Маша.— Они на моё место давно девчонку нашли.

Воронков тяжело вздохнул. Похоже, он сам взвалил хомут на свои плечи.

— Значит, в Москве у тебя никого нет.

— Никого,— подтвердила Маша.

— И где же ты жить собираешься?

— Понятия не имею. Я об этом еще не думала.

— А деньги у тебя есть?

— Есть тысяч двадцать. Но я планирую ещё заработать.

Воронков проигнорировал это заявление.

— Двадцати тысяч должно хватить, чтобы добраться до Воркуты. Я отвезу тебя на вокзал.

— Ни за что на свете!

Она произнесла это столь решительно, что Воронков, который собирался повернуть в сторону Курского вокзала, прозевал поворот.

— Почему?— спросил он.

— В Воркуту я ни ногой. Ни для того я в Москву ехала, чтобы приползти назад.

Воронков начал раздражаться, однако постарался объяснить спокойно:

— Пойми, Москва – не райские кущи. Если у тебя нет

денег или способностей их заработать, то здесь ты – меньше, чем пустое место. Где ты будешь ночевать? На вокзале?

— А хоть бы и на вокзале.

— Там ты встретишь таких ребят, что твой бугай покажется тебе ягнёнком.

Маша долго молчала, а затем решительно заявила:

— Я помогу вам заработать.

Воронков едва не расхохотался.

— Интересно, как?

— Вы ведь частный детектив, так? Я помогу вам распутывать преступления.

— У тебя есть опыт расследований?

— Нет, но я прочитала множество детективов. Я знаю, что к чему.

— Прости, но ты говоришь глупости. Всё равно как если бы парень с дивана, который посмотрел все сериалы про врачей, заявил, что теперь может провести операцию.

— Дайте мне шанс, — сказала девушка. — Я вас не разочарую.

— Возвращайся лучше в Воркуту.

Девушка вдруг закрыла лицо руками и заплакала.

— Да как вы не понимаете! — рыдала она. — Я не могу поехать в Воркуту не потому, что мне не хочется. Мне просто некуда возвращаться.

— А как же родители?

— Они погибли в автокатастрофе.

— Соболезную.

— Да это было лет двадцать назад. Я была ребенком.

— Так ты выросла в детдоме?

— Нет, меня воспитывала бабушка.

— А она не скучает по внучке?

— Уже нет. Этой весной она умерла.

— Сочувствую твоему горю.

Воронкову сделалось неловко. Устроил тут допрос! А еще ему стало жаль девушку. Не похожа она на тех беззаботных особ, что, как мотыльки на свет, слетаются в Москву.

Он взглянул на неё. Юная наивная глупышка. Как её бросить? Нельзя бросать её. А там видно будет.

— Если тебе некуда пойти,— сказал он,— то ты можешь какое-то время пожить у меня.

Маша издала нечто между радостным восклицанием и воинственным воплем.

— Спасибо! — Она порывисто прижалась щекой к его плечу. — Я вас не разочарую.

Воронков на мгновение замер, потом осторожно отстранился.

— Ты, видимо, не так меня поняла, — сказал он. — Я дам тебе временное жильё, но ты должна будешь найти работу. Как только начнёшь зарабатывать – съедешь.

— Разве вы не хотите, чтобы я работала на вас?

— Ты не справишься.

— Вы должны дать мне шанс.

— Ладно, — вздохнул Воронков, — там посмотрим.

По пути домой они заехали в торговый центр и купили еще один надувной матрас – для Маши. Расплачиваясь на кассе, Воронков поймал себя на мысли, что вся эта история про родителей и бабушку выглядит как-то слишком «гладко». Однако он отогнал от себя эту мысль. Пока у него не было причин не доверять ей.

Но, когда они сели в машину, он сказал:

— Извини, но я попрошу тебя показать документы.

— Не доверяешь, значит?

— Доверяй, но проверяй. К тому же, я – бывший полицейский. Подозрительность – моё профессиональное заболевание.

Девушка открыла сумочку и достала паспорт. Убедившись, что она – та, за кого себя выдаёт, он благодарно кивнул.

— Всё в порядке.

— Убедился?

— Я не хотел тебя оскорбить.

— А я не в том положении, чтобы оскорбляться.

Вскоре они приехали домой. Когда они вошли в квартиру, Воронкову сделалось стыдно. В последнее время он не утруждал себя, и его жилище заросло грязью.

Однако Маша и бровью не повела. Когда Воронков принялся извиняться за бардак, она спросила, где у него веник,

швабра и тряпки.

Пока он готовил ужин, она отмыла квартиру до блеска.

— Ты — молодец, — сказал он, когда она показала ему свою работу. — Мою бывшую жену никакими силами нельзя было заставить убираться.

Он не упомянул, что Марина не бездельничала, а работала в серьезной адвокатской конторе и зарабатывала куда больше его.

— Вашу бывшую жену стоило отправить на перевоспитание к моей бабушке, — заявила Маша. — Убирала бы, как миленькая.

Они поужинали фирменной глазуньей Воронкова: с бородинским хлебом и помидорами.

— Это единственное блюдо, которое я могу приготовить более-менее прилично, — признался он. — Еще я неплохо варю кофе.

— Об этом можете не беспокоиться. Готовку я тоже возьму на себя. Налеплю вам пельменей по бабушкиному рецепту. Пальчики оближите!

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Воронков.

Не зря он её приютил.

Глава 10. Выгодное дельце

На следующий день Воронкова разбудил приятный запах тушеных овощей. Какое-то время он принюхивался, пытаясь понять – он ещё спит или уже бодрствует – и открыл глаза.

Аромат никуда не исчез. Он доносился из кухни – вместе с аппетитным шкворчанием, обещающим вкусный завтрак.

Откуда?.. Ах, да – девушка! Маша.

Он улыбнулся: раньше его будили звонки Вьюгина или собственный храп, а сегодня – запах тушеного мяса. Как хорошо, что он дал приют девушке

Он встал, натянул халат и отправился на кухню.

Маша стояла у плиты и, насвистывая себе под нос веселую песенку, помешивала в сотейнике. На ней был застиранный мешковатый халат, свободно болтавшийся на её узких плечах. Воронков улыбнулся: однако, она быстро освоилась.

— Доброе утро, — спросил он, заглядывая ей под руку.

— Что у тебя там?

— Рагу из говядины.

— А откуда говядина?

— Из магазина. У вас в холодильнике только хлеб, сыр и кетчуп. Извините, но я не привыкла питаться всухомятку.

Воронков одобрительно кивнул и отправился в душ.

Когда он, чисто выбритый и пахнущий лосьоном после

бритья, вернулся в кухню, на столе его ждала тарелка с большой порцией говядины. Потянув носом блаженный аромат, он взял вилку и накинулся на еду.

Маша с улыбкой наблюдала за ним. Воронков ел так, словно голодал неделю. Маша не отставала. Какое-то время тишину прерывал лишь стук столовых приборов и звук жующих челюстей. Когда тарелка опустела, Воронков отложил вилку и откинулся на спинку стула.

— Понравилось?— спросила Маша.

— В жизни не ел ничего вкуснее!

— Рада, что смогла вам угодить.

— Если будешь и дальше готовить мне по утрам, то можешь жить тут вечно!

Он тут же прикусил язык и уставился на тарелку, сделав вид, что занят едой. Что-то его занесло.

Маша собрала тарелки и отнесла их в мойку. Воронков принялся варить кофе. Вскоре по кухне поплыл восхитительный аромат.

Девушка выглядела взволнованной. Воронков это сразу заметил. Она постоянно ерзала и бросала на него выразительные взгляды.

— Что-то случилось? — насторожился Воронков.

— Да. Пока вы спали, вам звонили.

— Кто?

Воронков принялся озираться в поисках смартфона. Он нашёлся на подоконнике. Среди пропущенных, было два

звонка от Вьюгина и пять – с незнакомого номера.

— Это звонил мой бывший напарник. Что он сказал?

— Нет, — сказала Маша, краснея, — это был клиент. Он звонил раз пять подряд. Я не выдержала и сняла трубку.

— Как это я не проснулся?

— Я сама удивилась.

— Тебе следовало разбудить меня.

— Наверное, но вы так крепко спали...

— Хорошо, что у меня нет ревнивой подружки, которая могла бы не понять, услышав из трубки женский голос. — Воронков отхлебнул кофе и поморщился: слишком крепкий. — Так что там за клиент?

— Его зовут Игорь Бондарев. Я проверила его через «гугл». Он – владелец компании, специализирующейся на внедрении разных инновационных штук для поисков нефти.

— Интересно!

— У него большой офис в Москва-сити.

— Ещё интереснее. Но что такому человеку нужно от меня?

— Он отказался говорить об этом по телефону. Сказал, что ждёт нас после обеда у себя в офисе.

— Не могу поверить! Ты согласилась на встречу?

— А что – не должна была?

— Нет, наоборот... Похоже, дело выгодное. — Воронков взглянул на часы. Половина одиннадцатого. — Ты – молодец. Спасибо тебе.

Маша горделиво выпятила грудь.

— Видите, я пригодилась. — Она поднялась из-за стола.

— Ладно, пойду собираться.

— Куда? — удивился Воронков.

— Разве мы не едем к Бондареву?

— Я и один справлюсь.

Девушка наградила его возмущенным взглядом.

— Вы должны дать мне шанс.

— Не в таком деле.

— Вы даже не знаете, что у него к вам за дело!

— Каким бы оно ни было, я справлюсь сам.

— Он сказал, что ждёт нас. Обоих.

Воронков ненадолго замялся. Он подбирал слова, чтобы ответить решительным отказом, но при этом не обидеть девушку. Однако она взяла его за руку и заглянула в глаза.

— Пожалуйста, дайте мне шанс. И потом, — добавила она, — если вы возьмёте с собой помощницу, то заказчику сразу станет ясно, что фирма солидная. Это внушит ему доверие. Можете сказать, что я ваша секретарша.

— Ладно, — сдался Воронков. — Собирайся.

Маша сорвалась с места и исчезла в ванной раньше, чем он закончил фразу.

Генеральный директор компании, разрабатывающей инновации для нефтяной отрасли, выглядел не как геолог, прошедший всю жизнь в полях, а как типичный клерк: дорогой,

но без изысков, костюм от «Хьюго Босс», белая рубашка, со вкусом подобранный галстук. Самым примечательным в его внешности были глаза: черные и глубокие, как два колодца. Едва войдя в кабинет, Воронков ощутил магнетическую силу этих глаз. Она не отпускала его на протяжении всего разговора.

— Дело вот в чём, — сказал он, нехотя цедя слова, — одну из наших последних разработок похитили конкуренты. Я хочу знать, как они это сделали?

— О какой разработке идёт речь? — спросил Воронков. Бондарев окинул его насмешливым взглядом.

— Вы что-нибудь смыслите в сейсморазведке?

— Нет.

— Тогда как мне объяснить вам? Впрочем, я попытаюсь. Начну вот с чего. Вы в курсе, что недра нашей планеты неоднородны по свойствам и чем-то напоминают слоёный пирог.

Воронков сказал, что слышал об этом.

— Так вот, — продолжил Бондарев, — эта неоднородность позволила нам получить достаточно точные представления о том, какими породами сложены наши недра. А помогла нам в этом сейсмика. Суть её состоит в возбуждении упругой волны путем целенаправленного взрыва. Поскольку различные слои внутри земли неоднородны, то они по-разному реагируют на эту волну. Эти колебания фиксируются специальными приборами, которые называют сейсмоприёмниками. Всё понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.